

СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

АРЫСЬ-ПОЛЕ

Сергей Дубянский

Арысь-поле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23932637

ISBN 9785448510557

Аннотация

Древние силы, помогавшие нашим предкам, спят, потому что в цивилизованном мире мы давно потеряли с ними связь. Их можно разбудить, только стоит ли это делать? А то ведь придётся окунуться в мир Волхвов, найти язык со стихиями воды и огня, путешествовать по заповедным лей-линиям, промчаться по шоссе, которого нет ни на одной карте. Не всем удастся выжить среди этого безумия. С другой стороны, если рискнуть, можно обрести то, чего никогда не найдёшь в своей обыденной жизни.

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

140

Арысь-поле

Сергей Дубянский

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Петропавловский

© Сергей Дубянский, 2017

© Игорь Владимирович Петропавловский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1055-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Встречный ветер обдувал таким жаром, что Слава, сидевший за рулем, чувствовал себя кочегаром на паровозе, и где-то рядом наверняка скрывалась куча угля и большая грязная лопата. Все остальное – серый асфальт, лесополоса с пожелтевшими не ко времени тополями – это лишь обман зрения. Хотелось высунуть руку из раскаленной железной коробки, но касаться кузова было еще хуже – он обжигал, и казалось удивительным, что краска пока не пошла пузырями. Небо слепило неестественной голубизной, хотя солнце стояло высоко, ломая лучи о крышу машины. Асфальт сделался настолько мягким, что сзади, наверное, должна была оставаться глубокая колея – Слава даже представлял ее, хотя смотрел вперед, на пустую дорогу, уходящую к горизонту.

– Я хочу пить, – раздался сзади капризный голос.

– Все хотят, – назидательно ответил Слава. Апельсиновый напиток, который они купили на выезде из города, оказался мерзким сам по себе и к тому же нагрелся до температуры нормального чая, став еще противнее; от него слипались и без того пересохшие губы, а пить хотелось еще больше, поэтому двухлитровая пластиковая бутылка бессмысленно перекатывалась под ногами, раздражая одним своим видом.

Слава представил три потных тела на заднем сиденье, трущиеся липкими плечами. ...*Какого хрена мы поперлись?..*

– Я больше всех хочу, слышите, люди! – обиженно повторила Катя.

На этот раз вообще никто не отреагировал. Пить, действительно, хотели все, а разговаривать, никто – жара отнимала силы и убивала все желания, кроме жажды.

Вадим, сидевший рядом со Славой, чувствовал себя наиболее комфортно. Развалившись на сиденье и откинув голову на подголовник, он достал сигарету.

– Ты еще будешь курить?! Мы тут, сзади, задохнемся!..

– А я не в затычку. Не в затычку можно, – не оборачиваясь, ответил Вадим, однако шутка не была принята.

– Может, остановимся? – робко предложила Юля, нарушая возникшее молчание, – хоть подышим немного. Здесь вообще невозможно...

– Зато на вылазку едем. Уже, блин, почти отдыхаем, – недовольно заметила Анжела. Она прижималась к дверце, пытаясь отодвинуться от остальных так, чтоб максимально подставиться ветру, отчего ее короткие волосы взъерошились и торчали в разные стороны выгоревшими на солнце клоками грязно-русого цвета.

Вадим развернул на коленях карту.

– Через семь километров Дремайловка. Юль, куда дальше?

– Прямо по главной улице.

– А там есть и второстепенные? – удивился Слава. Ему ужасно надоело липнуть к кожаному сиденью и крутить ба-

ранку влажными от пота руками, а хотелось побыстрее нырнуть в прохладную речную воду.

– Может, и есть, не знаю – мы ездили только по главной. А за деревней налево, в лес – там неплохая грунтовка.

– Слава богу, – вздохнула Катя, – а то я в туалет хочу.

– Я думал, из тебя вся вода с потом вышла – осталась одна вяленая вобла.

– Дурак, – Катя несильно стукнула Вадима по шее.

– Осторожно, штурмана не трогать, – он выбросил окурок.

– Так случаются пожары, – сообщил Слава назидательно.

– Фигня. Налоги платим – пусть пожарные отработывают.

Вдали показался первый, еще недостроенный дом. На его крыше несколько загорелых парней прилаживали листы шифера.

– Растет благосостояние народа, – Вадим ткнул в них пальцем, когда машина пронеслась мимо.

– Ну что, типа, приехали? – подала голос Анжела. Похоже, ей заранее все надоело и было безразлично, куда ехать и зачем, лишь бы побыстрее добраться до места.

– А то б! Еще по лесу до речки, и там, вдоль берега километра четыре до дуба, где мы с Игорем останавливаемся, – ответила Юля, – он, небось, ждет уже.

– Счастливчик... – Слава вздохнул.

Пыль деревенской улицы врывалась в салон вместе с запахом помета и коровьим мычанием. Слава почувствовал, как песок скрипит на зубах, и облизнул сухие губы.

– А магазин здесь есть? Может, водички купим?

– Ну, потерпи. У Игорька не только вода, но и холодное пиво должно быть.

– Нет, остановимся! – потребовала Катя, – я пить хочу.

– Ты ж ссать хотела, – напомнил Вадим.

Наконец, хоть кто-то рассмеялся. Это была Анжела. Ей понравилось, что Катька попала в неловкое положение, а то, почему-то всегда доставалось ей. Слава затормозил у магазина, взметнув пыльное облако и вспугнув грязных кур с открытыми от жары клювами, прятавшихся в траве.

– Вадим, сходи, – попросил он, – деньги в бардачке.

– У меня что, свои кончились? – тот нехотя открыл дверцу.

– Я тоже пойду! – встрепенулась Катя.

Анжела молча выбралась следом за ними, и все трое направились к крыльцу, обдергивая прилипшие к телу майки, а Слава повернулся к Юле.

– Ты уверена, что имело смысл тащиться в такую даль? Не проще ли выехать на цивилизованный пляж с шашлыками, а вечером побалдеть в кафе?

– Но я ж говорила, куда мы едем, – обиделась Юля, – все тоже захотели дикой природы с палатками...

– Мне, честно говоря, без разницы, где водку пить, – Слава вздохнул, – Игорь-то твой, он водку пьет?

– Пьет. Он адекватный.

– А лет ему сколько?

– Тридцать три.

– Салага. А тебе, если не секрет?

– Двадцать три. Я тут самая старшая. Катьке – двадцать,

Анжелке – девятнадцать.

– Точно? А то мы забыли вчера у них паспорта проверить.

– Точно, – Юля засмеялась, – они не малолетки, не бойся.

– И то, слава богу.

– А Игорь... – Юля вернулась к теме. Ей, видимо, очень хотелось показать, что она не из тех, кто знакомится в кафе и сразу едет куда-то с незнакомыми мужчинами, что у нее все всерьез и надолго, – мы с ним уже целый год.

– А жена у него есть?

– Нет. Ну, вернее... они разводятся. Они не живут вместе.

– Понятно. Значит, есть.

Возникла пауза, но Юле не хотелось закрывать тему на неприятной ноте.

– А еще, – она засмеялась, – он ходит на байдарках. Когда мы познакомились, и он первый раз показал, как ее собирают из всяких трубочек, я вообще отказалась в нее садиться!..

Трио покупателей появилось в дверях магазина, раздвинув, предназначенные для защиты от мух, грязные марлевые занавеси. Каждый держал по полтарашке минералки, и лица у всех были совершенно счастливые.

– Как там классно! Прохладно... – Катя открыла дверцу.

– Между прочим, в нормальных джипах есть кондиционеры, – усевшись на место, Вадим отвернул пробку, и послы-

шалось характерное шипение, – дать?

– Дать, – Слава протянул руку, – нормальные джипы, между прочим, стоят столько, что мне жалко этих бабок за кусок железа. А кому не нравится, могут идти пешком, здесь, говорят, уже недалеко, – он отхлебнул большой глоток, – ржавчиной отдает....

– Пей апельсиновый напиток, – посоветовала Анжела тихо, но ее мнение интересовало всех в самую последнюю очередь.

Машина попылила дальше, мимо обожженных солнцем грязно-зеленых деревьев и домиков, тщетно пытавшихся укрыться в их несуществующей тени.

Деревня кончилась быстро, и снова началось поле.

– Ох, Юлька, завезешь ты нас, – Катя трагически вздохнула, – сидели бы сейчас в городе и отрывались по полной...

– Я ж никого не заставляла! Я только предложила....

– Хватит, девки. Покурите трубку мира, – Вадим протянул назад пачку сигарет, и тут все увидели лес, а метров через сто накатанную дорогу, уходившую влево.

Джип, неуклюже переваливаясь, сполз на песок и плавно покатился среди золотистых сосен, где-то далеко сливавшихся в желто-коричневую стену.

– Кать, ты, кажется, писать хотела, – вспомнил Вадим, – только выбери сосну потолще.

– И выберу! – огрызнулась Катя, видимо, стесняясь естественных потребностей, – что ты домахался? До Анжелки

своей домаживайся!

– До нее неинтересно, она психовать не умеет. Да, Анжел?

– Умею. Хочешь проверить?

– Ничего я не хочу, – буркнул Вадим. Он не любил, когда шуточки воспринимают буквально.

Джип остановился прямо посреди дороги.

– Хватит ругаться, – Слава выбрался из машины и потянулся так, что хрустнули суставы, – мальчики – налево, девочки – направо, вот и вся проблема...

Минут через двадцать они выехали на берег. В сероватой воде отражалось солнце, рассыпавшись миллионом осколков жидкого зеркала. Вдоль берега тянулись заросли ивняка, казавшиеся удивительно зелеными после желтых сосновых стволов, а трава и вовсе завораживала – хотелось немедленно освободить вспотевшие ноги и бежать, бежать по шелковистой мягкости, ощущая ее всей кожей ступни.

– Слав, поехали быстрее, – захныкала Катя, видя, что он останавливается, – я не могу, когда рядом вода! Я хочу туда!.. Наверное, моя мать была русалкой.

...А отец – лешим, – хотел съязвить Вадим, но не стал. В предчувствии окончания этого изматывающего путешествия, ему стало лень шевелить расплавившимися мозгами.

– Куда ехать-то? – Слава обернулся.

– Направо. Тут совсем рядом. Дуб, видишь? Под ним должна стоять палатка...

– ...а в ней холодное пиво, – закончил Вадим. При этих словах Слава газанул так, что куски дерна полетели из-под колес. Девчонки на заднем сиденье повалились друг на друга, хватаясь руками, кто за воздух, кто за дверцы, но это уже не вызывало раздражения. Все дружно смеялись, потому что видели совсем рядом воду, и это рождало буйное веселье.

Они ехали все дальше, пока Юля не сказала растерянно:
– Вообще-то, это здесь.

Слава заглушил двигатель и сразу стало тихо; откуда-то возник шум реки и пение птиц. Высыпав из машины, все замерли, дыша полной грудью и подставляя лицо ветерку.

– Где же Игорек с пивом? – ехидно поинтересовался Вадим.

– Не знаю, – Юля внимательно оглядела поляну, словно ее «жених» мог случайно затеряться в траве, – мы всегда ставили палатку возле этого дуба. Вон, наше кострище, а пень – это наш стол. Ничего не понимаю. Он уже три дня, как уехал сюда.

– Может, решил свалить, чтоб не делиться пивом?

– Ладно, – Слава открыл заднюю дверцу, – в любом случае, выгружаемся, а потом поищем. Может, здесь место было занято, и он устроился где-то поблизости. Вадик, давай палатку ставить.

– Давайте, сначала найдем его, – попросила Юля.

– Давайте! – поддержал Вадим. Ему совсем не хотелось возиться с палаткой, – пошли, Слав, пройдемся. Кто у ма-

шины?

– Я, – присев на пенек, Анжела достала сигареты.

– А я искупаюсь, – Катя сбросила майку, шорты и осталась в бледно-желтом купальнике, который еще больше подчеркивал загар и рельефы ее фигуры.

Слава с Вадимом тоже разделись и побрели вслед за Юлей.

Кусты начинались прямо в воде, и легкие волны еле слышно плескались среди корней. Иногда кусты расступались, открывая скользкий глинистый берег и мутную воду. Вдоль берега виднелось несколько старых кострищ; старых, потому что пепел прибило дождями (которых не было уже две недели), зафиксировав лишь проплешины среди травы. От реки берег поднимался вверх, где начинался сосновый лесок, который еще не скоро превратится в бор. Солнце свободно просовывало пальцы лучей меж тонких стволов, разбрасывая яркие пятна на желто-коричневой прошлогодней хвое. Ее слой был таким толстым, что сквозь него пробивались лишь редкие тонкие былинки, да краснели яркими шапками мухоморы.

– В лес он подняться не мог, – сказала Юля, – он всегда говорил, что там полно муравьев, к тому же, костер не разведешь.

– Да, с костром проблема... – Слава остановился над более-менее свежим кострищем, еще сохранившим остатки обугленных дров; перевернул ногой пустую консервную бан-

ку, – а «свинину натуральную» он с собой брал?

– Не знаю, он без меня собирался.

– Что вы там ищете? – подошел Вадим, – думаете, он нам устраивает соревнования по ориентированию с поиском контрольных точек? Какие банки? Палатку надо искать. Если, вон, за тем поворотом ничего нет, значит, все. Сходим в другую сторону и на том закончим.

Река, действительно, поворачивала, открывая широкий плес; гладкий и блестящий, будто никакого течения не было вовсе. На середине ударила рыба, и круги медленно пошли по воде, становясь все меньше, пока, наконец, не исчезли совсем.

– Удочку бы... – вздохнул Вадим, – а тут водка, да бабы...

Они прошли еще метров сто; берег отсюда просматривался хорошо, аж до огромной ивы, свесившей тонкие ветви до земли и образовавшей, тем самым, зеленый холм.

На пригорке сосняк неожиданно прерывался, упираясь в покосившийся забор, за которым виднелись остатки дома с выбитыми окнами, хотя почерневшие от времени бревна выглядели по-прежнему мощно и нерушимо.

– А это что за хрень? – удивился Вадим.

– Хутор, – Юля пожала плечами, – только он заброшенный.

– Пойдем, посмотрим? – Слава двинулся вверх по косо-гору.

– Там ничего нет – мы с Игорем как-то ходили.

– Я тоже не думаю, что там осталось что-то интересное, даже если оно и было. Пошли обратно, – Вадим махнул рукой.

– Ребята, я реально волнуюсь, – Юля поняла, что поиски закончены, – такого никогда не было, честно!

– Ну... – Слава развел руками, – когда-то все случается в первый раз. Я тоже иногда говорил жене, что поехал в командировку, а сам – на заслуженный отдых.

Юля оставила обидную реплику без ответа – в это время она представила, как добиралась бы сюда сначала на попутках, потом топала пешком от Дремайловки, и в результате оказалась одна на пустом берегу, без палатки, без еды; еще неизвестно, взяла бы ее обратно какая-нибудь машина, и чем бы это могло закончиться на безлюдной трассе. ...*Нет, Игорь не мог меня так кинуть*, — решила она и даже не разлилась на него – она просто ничего не понимала.

*

Анжела сидела на пне, служившим Игорю с Юлей столом, а Катя вытащила из сумки покрывало и улеглась загорать, наклеив на нос листочек.

– Ты презервативы взяла? – спросила она, не открывая глаз.

– Я? Пусть он берет – я еще буду бабки тратить.

– Дура, он тебе возьмет... сразу к Петровичу загремишь.

– Не переживай – думаешь он сам не боится подцепить что-нибудь? Мужики в таком возрасте все зашуганные.

– Как знаешь. Я взяла.

– Поделишься, если что. Ты ж у нас запасливая девочка... – увидев возвращающуюся «поисковую группу», Ангела повернула голову, – нашли?

– Нет. Пойдем теперь в эту сторону, – сказал Вадим.

– А зачем? – Ангела пожала плечами, – мы ж оттуда приехали. Никаких палаток там нет.

– Что ж делать? – Юля совсем по-детски сунула в рот палец.

– Юлька, – Катя нехотя подняла голову, – ты прикинь – он, небось, в городе спокойно трахается с другой, а тебе потом пролечит что-нибудь невнятное.

– Думаешь, он что, совсем не поехал? – Юля не стала заострять внимание на «другой».

– Я так понимаю – люди у нас исчезают не слишком часто, а если и исчезают, то по делу. Он у тебя кто? Депутат? Предприниматель крутой? Банкир?

– Нет, он охранником работает.

– Охраняет президента? – съязвил Вадим.

– Не президента, магазин...

– И кому он, на фиг, нужен? – Катя перевернулась на живот.

– Ребята, но я не могу так, – Юля растерянно оглянулась, словно это «кому он на фиг нужен» относилось и к ней, –

вдруг что-то случилось? Везде говорят, что сейчас за пять копеек убивают, а у него магнитофон, палатка, спальник и, вообще, много всяких вещей.

Слава, начавший ставить палатку, замер с поднятым топориком и внимательно посмотрел на Юлю.

– Я думаю, обратившись в милицию, ты окажешь ему не лучшую услугу.

– А что мне делать? Я ж не могу лежать загорать, если не знаю, что с ним!

– Да уж, – Вадим закурил, – во, вляпаешься.

– Юль, – Катя встала с покрывала, – не зацикливайся ты так, – она хотела обнять подругу, но та дернула плечом.

– Не зацикливайся... А если б у тебя, вот так, пропал...

– Кто? – ехидно перебила Катя.

– Конь в пальто! – Юля демонстративно отошла, – Слав, отвези меня в город.

– С ума сошла? – он добродушно усмехнулся, – тут больше ста километров.

– Славик, милый, – она схватила его руку, – ну, хочешь, я на колени встану? Ты же умный, взрослый, – она шмыгнула носом, – я с ума сойду, неужели ты не понимаешь? Или ты позволишь мне уйти пешком? А я уйду! Честное слово...

– Ладно, – Слава видел, что еще минута, и она разревется, поэтому отложил топорик, – но, если он окажется дома с женой и бутылкой холодного пива, я сам набью ему морду.

– Конечно, набьешь, – почувствовав, что он сдается, Юля

уткнулась лицом в его грудь.

– Ты что, правда, поедешь? – искренне удивился Вадим.

– А куда деваться? Что мы, нелюди? Она, действительно, с ума тут сойдет, да? – Слава робко обнял Юлю грязной рукой, – давайте, кому чего привезти из города? Чего у нас не хватает?

– Я поеду с вами, – Катя свернула покрывало, – что я тут одна?.. – видимо, в ее понимании все должны делиться на пары, и любое нечетное существо являлось лишним.

Вадим опустился на пенек рядом с Анжелой и молча обнял ее. Девушка покорно и безо всяких эмоций привалилась к его плечу, глядя вдаль; туда, куда уползала, ставшая вдруг голубоватой, лента реки.

– Анжел, скажи хоть что-нибудь.

– Чего тебе сказать?

– Ну, не знаю. Например, что ты обо всем этом думаешь?

– Что думаю? – она повернула ничего не выражавшее лицо, – клево тут, только в городе прикольной.

Вадим не понял, где же все-таки лучше, и встал. Анжела ссутулилась, потеряв опору, поставила руки на колени и подперла лицо, продолжая смотреть на воду.

– Так что? Собираем все это, на хрен, и поехали обратно? – Вадим зло пнул ногой Юлину сумку, – спрашивается, за каким мы перлись сюда целый день, если никому тут нечего делать, и ничего хорошего тут нет? – он уже поднял рюкзак, чтоб бросить его в машину, но Слава остановил его.

– Ты еще психовать будешь! Я предлагаю такой вариант: сейчас три. Мы с Катюхой отвозим Юлю в город и возвращаемся. Это займет реально часа четыре. Если надо, что-то докупаем. Вы здесь купаетесь и загораете, а часам к восьми – ну, чтоб наверняка, разводите костер и нанизываете шашлыки.

– Музыку какую-нибудь захватите, – вспомнила Анжела, – магнитофона-то теперь нету.

– Магнитофон есть в машине, а кассеты купим. Сейчас, Юль, окунись, и поедем, – Слава побежал к реке и с разбегу прыгнул в воду. Громкий всплеск и гребки, сопровождаемые фырканием, нарушили тишину.

– А ты-то, чего едешь? – Юля повернулась к одевавшейся Кате, – здесь же лучше, чем опять в этой душегубке париться.

– Покататься! – фыркнула Катя, – за дуру меня держишь?.. Не надо так делать, поняла, подруга?

Не ответив, Юля направилась к машине.

*

Минут через пятнадцать они уехали. Вадим смотрел вслед, пока джип не свернул в лес, мелькая белым боком среди стволов.

– И что? – он повернулся к Анжеле, – искупаться не хочешь?

– Я плавать не умею, – она по-прежнему сидела на пенке.

– Вообще?! – поразился Вадим. Для него казалось совершенно естественным, что все люди должны уметь плавать.

– Наверное, вообще, потому что никогда не пробовала.

– Пойдем, попробуешь. Раздевайся.

Он схватил ее за руку, поднимая с пня, и Анжела встала; стянула шорты, футболку, и оказалось в одних узеньких плавках.

– Кажется, это называется, «топлес», – Вадим критически оглядел девушку и пришел к выводу, что верхняя часть купальника ей, действительно, не нужна.

– Вот, выросли прыщики. Что теперь делать? – Анжела как ни в чем ни бывало, направилась к реке, – а ты меня не утопишь?

– Обижает. Когда-то у меня был первый разряд по плаванию. Я даже на соревнованиях выступал! Идем, не бойся.

– Ну, тогда ладно... какое дно противное...

– А зачем тебе дно? – они уже зашли по грудь и ласковое течение огибало тела, образуя еле заметные водовороты, – держись за меня, только не задуши, и поплыли.

Вадим дождался, пока Анжела положит руки ему на плечи, и нырнул. Девушка взвизгнула, но уже в следующую минуту выдохнула восторженно:

– Как здоровски!..

Вадим чувствовал, что руки ее сжимаются все сильнее, но продолжал не спеша плыть, увлекая ее на глубину.

Таким образом они сплавали на другой берег и вернулись.

– Понравилось? – Вадим помог Анжеле преодолеть полосу глины и ступить на высушенную солнцем, мягкую траву.

– Прикольно.

– Прикольно – это хорошо или плохо?

– Прикольно – это прикольно.

Они улеглись на покрывало, касаясь друг друга плечами.

– Курить будешь? – Вадим не глядя протянул пачку, и Анжела молча достала сигарету, – слушай, а откуда такое имя? Кто это сподобился тебя так назвать, мама или папа?

– Я сама.

– О, как! Это было первое слово – вместо «агу»?

– Вообще-то, я – Аня, но хозяйка сказала, что мы должны придумать себе другие имена.

– Хозяйка чего?

– Того!.. Хозяйка, на которую я работаю.

– А на кого ты работаешь?

– Какая тебе разница.

– Интересно все-таки.

– Ну, если интересно... «Досуг день и ночь, чтоб тоска умчалась прочь». Видел такие объявления?

– Ах, вот оно что... – Вадим не то, чтоб растерялся, просто почувствовал себя глупо. ...*Блин*, – мысленно он даже рассмеялся, – *таких девочек приглашают на час, а не на двое суток! Чем можно заниматься с ними столько времени? Ведь никакого здоровья не хватит...* – а Катька тоже из ва-

шей конторы?

– Катька, не... – Аня вздохнула, как показалось Вадиму, с завистью, – она так, дурью мается.

– А Юля?

– Юлька? Ты что?! Она честная давалка.

– Это как?

– Ну, мимо любви ей влом трахаться. Правда, любовь у нее шибает каждую неделю.

– А Игорь как же? Она ж говорила, что давно с ним живет.

– Это да. Когда совсем запутается в своих бой-френдах, и те соберутся ей морду начистить, тогда она к Игорю бежит, чтоб разобрался с ними.

– Он что, такой крутой? Ты его видела?

– Так, пару раз, – Аня ловко «выстрелила» бычком метров на десять, – лох типичный. Хотя может надуться, понты погонять.

– А мы со Славкой тоже лохи?

– Не, вы не лохи. Вы конкретные.

– И то, слава богу, – Вадим подумал, что чем дольше будет продолжаться разговор, тем станет менее интересным, и тем меньше останется у него желания торчать здесь двое суток, – пойдем, посмотрим, что в палатке делается.

– Душно там.

– А что тогда будем делать?

– Ладно, – Аня встала, – только презервативы возьми.

Пока Вадим рылся в сумке, она залезла в палатку, и через

минуту над на веревкой, державшую полог, взметнулась рука, призывно вывесившая маленькие красные трусики.

Вадим огляделся. Солнце уже скатилось со своей верхо­туры и висело над кустами на противоположном берегу – его ослепительный шар, словно приклеили к побледневшему небу. Переливалась река, трещали стрекозы и где-то вдали щебетала невидимая птаха. Это был тот самый покой, о ко­тором он мечтал последние две недели – очень напряжен­ные две недели, когда по чьей-то наводке на все его аптеки нежданно-негаданно посыпались проверки, причем, по всем направлениям, от санэпидемстанции до комитета по ценам. Он сумел отбиться «малой кровью», кому надо, заплатив; кому надо, доказав... короче, кошмар закончился, и теперь он заслужил несколько дней отдыха, пока несчастные фар­мацевты парятся в сорокоградусную жару в душных «стек­ляшках», зарабатывая ему новые деньги.

Вадим вздохнул и тоже полез в палатку.

– Чего так долго? Здесь от жары сдохнуть можно.

– Хорошо, детка, следующий раз мы будем делать *это* в воде, согласна?..

*

Машина пронеслась мимо указателя «Воронеж – 12км». Юлино настроение явно улучшилось; Ей даже захотелось об­нять и поцеловать Славу, но рядом с ним сидела Катька, уже

определившая его в свою собственность, и делиться ни с кем не собиралась. По крайней мере, сегодня – ее гнусный характер за столько времени общения Юля изучила достаточно хорошо, поэтому ограничилась лишь устной благодарностью.

– Тебе куда? – Слава обернулся.

– Да до остановки довези, – она вдруг подумала, что еще не решила, как же поступить дальше. Хоть Игорь и говорил, что находится в состоянии развода, но жили-то они с женой в одной квартире, куда ее, любимую Юлю, даже не пускали на порог.

– Чего до остановки-то? Сотню отмахали, а уж тут-то...

– А она не знает, куда ей надо, – Катя ехидно засмеялась, – дома ж жена – она и волосенки повыдирать может, да?

– Нет, домой я к нему, конечно, не пойду... – Юля покраснела, потому что Катя сказала правду, – я позвоню, только деньги на счет положу...

– Звони, какие проблемы? – Слава протянул телефон.

– Может, лучше ты? Все-таки мужским голосом...

– Как скажешь, – Слава припарковался у бордюра и под Юлину диктовку набрал номер. На другом конце ответили почти сразу, – добрый день. Игоря можно пригласить?

– Его нет, – сказал женский голос.

– А где он? Извините, конечно.

– С друзьями уехал на рыбалку. Позвоните дня через два. Ему что-нибудь передать?

– Нет, спасибо. Я перезвоню, – Слава понял, что никаким разводом здесь и не пахнет, но вслух говорить об этом не стал. Скорее всего, Юля и сама все прекрасно знала и просто не хотела афишировать перед подругами своего положения. Да и не его это дело, в конце концов...

– Нет его, – Слава убрал телефон, – и не будет. Что дальше?

– Дальше я сама, – Юля вылезла из машины, – пока, Кать.

– Успехов, – Катя кивнула, – кто ищет, тот всегда найдет приключений себе...

– Слав, спасибо тебе огромное, – Юля не стала дожидаться окончания фразы и назло Катьке послала Славе воздушный поцелуй, – мы ведь еще увидимся?

– Пути господние неисповедимы, – он пожал плечами.

Захлопнув дверь, Юля пошла к остановке. В том, что Игоря, действительно, нет дома и ни на какую речку он не ездил, она почти не сомневалась. ...*Значит, скорее всего, на даче. Хоть это и недалеко, но ехать всей кожной?.. А если, правда, у него другая баба?.. Чтоб Катька видела наши разборки и завтра понесла по всем девкам?.. Уж лучше сгоняю на автобусе...*

– Что дальше? – Слава закурил, в очередной раз изучая партнершу, – покупаем кассеты и обратно?

– Я хочу мороженого.

– Сейчас купим. Вон, ларек.

– Нет, я хочу не такого – я хочу вкусного... А поехали

в «Baskin Robbins»!..

– Ну, поехали, – Слава пристроился в правый ряд и проезжая мимо остановки, помахал задумчиво смотревшей вдаль Юле.

*

Народу в кафе было много, и Слава посмотрел на часы.

– Что, будем стоять?

– Славочка, ну, я хочу... – Катя скорчила жалобную рожицу, – пожалуйста... А ты можешь взять пива – ты ж хотел...

– Сдурела? – Слава покрутил пальцем у виска, – я ж за рулем. Если только какой-нибудь гамбургер?.. Ты как?

– Я гамбургеры не ем. Я худею.

– Еще худеешь?.. – Слава скептически усмехнулся, – знаешь, Катюш, кости не усыхают.

– А я хочу, чтоб усыхали! – она капризно топнула ножкой.

– Ну, хотеть не вредно...

Отстояв в очереди, они, наконец, уселись прямо под лопасти вентилятора, создававшие хоть иллюзию прохлады.

– Кать, а почему ты Юлю не любишь? Я думал, вы подружки.

– А мы и есть, подружки. Но зачем она строит из себя? Я-то знаю, что жена Игоря – бухгалтер в крутой конторе; она его кормит-поит, одевает-обувает, и охранником-то его взяли только потому, что магазин фактически принадлежит его

жене. Куда он разведется? Он что, совсем шизанутый? Нравится тебе с ним трахаться – трахайся!.. Сейчас все так живут, но зачем из себя целку-невидимку корчить?..

– А что, все так живут? – заинтересовался Слава, хотя его самого этот вопрос не касался совершенно – он развелся еще несколько лет назад, но просто хотел знать мнение «подрастающего поколения».

– Будто сам не знаешь? По-моему, брак устарел по полной программе. У самого-то жена, небось, тоже есть?

– А вот и нету, – Слава засмеялся, – была, да сплыла.

– Все вы так говорите, – Катя махнула рукой, – но мне по барабану – меня замуж не тянет.

Слава лишь покачал головой. За свои сорок три года уж он-то знал, что любая женщина хочет замуж, а те, кто громче всех кричит о падении института брака, в первую очередь.

– А мне пиво возьмешь? – Катя подчеркнуто сексуально облизала уже ненужную ложечку, – а то мороженое какое-то слишком сладкое. Вдруг у меня там все слипнется?..

После целого бокала Кате захотелось курить, и они вышли на улицу, пристроившись на парапете под огромным тополем. Затянувшись, девушка приклонила голову к Славиному плечу.

– Ты прикольный... – она выпустила дым тонкой струйкой.

– Это значит что, смешной?

– Слушай, – Катя отстранилась, глядя на Славу своими

восторженно невинными глазами, – на каком языке вы разговариваете между собой?

– На русском, а что?

– Прикольный – это классный, понимаешь? Разве ты смешной?.. А можно еще пива?

– Уже восьмой час, – Слава сунул ей под нос часы, – а в восемь мы обещали вернуться. Вадим, небось, костер разводит...

– Ну, и фиг с ним, – Катя махнула рукой, – ему там не скучно – Анжелка свое дело знает.

– Не, Кать, давай я пива тебе возьму, и мы поедем. Надо ж еще кассеты купить.

– Как скажешь – я на все согласна.

Из города они выехали в начале девятого, когда жара уже спала, и в окна врывалась... нет, не прохлада, но все-таки...

Уже через полчаса, не допив пиво, Катя склонилась к двери и засопела, прикрыв глаза. Слава осторожно взял бутылку, которую она зажала между ног, и выбросил в окно, потому что от тряски пиво пенилось, грозя вылиться на Катины ноги и, что гораздо хуже, на сиденье. Почувствовав, что руки свободны, Катя устроилась поудобнее и заснула.

Слава смотрел на дорогу, ставшую за сегодняшний день уже привычной, и думал, пришла ли из Москвы машина с оконным профилем, и если не пришла, то, что делать в понедельник – ведь по срокам надо начинать монтаж фасада на здании районной администрации, а с администрацией

шутки плохи, их нельзя подводить.

...Чертово производство! – он перебил собственные мысли, – я ведь ехал, чтоб отдохнуть!.. На фиг! Привезут, значит, привезут. Не привезут... Ну, что-нибудь придумаю – что теперь делать?.. Искоса посмотрел на спящую Катю. *...Хорошенькая девочка. Ей бы чуть-чуть мозгов, так вообще б цены не было!.. С другой стороны, хочется большого ума, надо не малолеток снимать в кафе, а идти в библиотеку и ловить кандидатов наук... Блин, но ведь у них нет таких ног!..*

Слава смотрел на фантастически короткие шорты, которые специально подчеркивали загорелые, не менее фантастические ноги; на тонкие ручки, чудом державшиеся на коленках. *...Все хорошо, – решил он, – но, скорее всего, будет скучно. Придется нам с Вадиком развлекать их – кроме определенных телодвижений, от них самих ничего не дождешься. А, может, в этом и есть отдых, чтоб опуститься до их уровня, и, ровным счетом, ни о чем не думать?..*

Дорога убежала вдаль, прямая и пустынная. Лишь редкие машины с шелестом проносились навстречу, да впереди маячило серебристое пятно крутого лимузина, который Слава никак не мог догнать. Впрочем, он и не ставил себе подобной задачи.

...Скучно, – подумал он, – все скучно. И работа, и эти глупые девочки, и дорога... Как-то раньше жизнь складывалась веселее... что же в ней было веселого?.. Так, случай-

ные знакомства, казавшиеся чуть ли не кармически предре-
шенными; компании с пустыми, но жаркими спорами, пере-
раставшими в нечто фундаментальное, непременно влияю-
щие на судьбы мира. Наверное, тогда, по молодости, все это
было в новинку, вот и вся разгадка. А теперь мы знаем все
об этой жизни, и имеем от нее ровно столько, чтоб удо-
влетворить свои основные потребности. Поэтому и стало
скучно. Если б сейчас оказаться на одном уровне с этой Ка-
тей, сколько нового можно было б открыть для себя...

Солнце плавно опустилось за лес. После дневной, сочной
голубизны небо обрело белесый цвет, который постепенно
становился серым – на землю спускались сумерки. Задумав-
шись, Слава угодил колесом в выбоину, и машину тряхну-
ло. Катя недовольно повернулась в другую сторону; ее рука,
ища точку опоры, переместилась на его колено, а тело нача-
ло клониться, мешая переключать скорость.

Слава остановился, и Катя тут же открыла глаза.

– Что случилось?

– Ничего, – он нажал кнопку, и спинка сиденья упала на-
зад.

– Ой! – вскрикнула Катя, падая вместе с ним, – что это?!

– Это все нормально, – Слава погладил ее по волосам, про-
вел по груди.

– Как клево!.. – она схватила его руку, – блин, я никогда
еще не трахалась в тачках!..

От этих слов у Славы пропало всякое желание, но она так

жадно ласкала его руку, потом плечи, что он откинул и свое сиденье, превратив салон в огромный диван; влез на него, сбросив туфли...

*

– Почти девять, – Вадим посмотрел на часы.

– А я и знала, что к восьми их не будет, – Аня привычно сидела на пне, лениво дымя сигаретой. Около нее уже валялась целая россыпь окурков и две пустые пивные бутылки, которые они выпили с Вадимом вместе, предварительно остудив в реке.

– Обычно Славка, мужик пунктуальный. Может, что с машиной случилось?

– С какой машиной? Ты Катьку не знаешь. Вот, это «машина»!.. Сначала она его в кабак затащит, а уж если поддаст, тут полный отрыв начнется.

– Все равно приедут, – Вадим встал, – пойдем дрова для костра собирать.

– Не в кайф мне куда-то ходить. Я тут посижу, ладно?

– Посиди, – Вадим медленно побрел вдоль берега, внимательно разглядывая кусты.

Аня видела, как он прошел метров сорок, и ничего не найдя, стал подниматься вверх, к лесу, при этом она думала, заплатят ли ей что-нибудь за двухдневный уик-энд или получится, что она опять, как бывало не раз, работает за «стол»

и приятное времяпрепровождение? В принципе, поделаться ничего с этим было уже нельзя, потому что вчера все получилось как-то спонтанно и таксу заранее не обговаривали. Собственно, Катька решила за нее, ехать или не ехать.

...Сама, небось, отрывается где-нибудь, а я тут сижу, как дура, птичек слушаю и только на халяву ноги раздвигаю, – она бросила очередной окурочек и зло вдавила его в землю, – хоть бы музон был... С другой стороны, здесь хоть спокойно, никто не измывается, а это тоже большой плюс. Иногда бабки никакие не нужны, только б смотреться, — Аня подняла голову, ища среди темневших на глазах деревьев фигуру Вадима, – все-таки это не самый плохой день, даже если он ничего не заплатит...

Она встала, потянулась. После многочисленных купаний и испепеляющей жары начинало немного знобить. Когда Аня надевала футболку, под руку попались часы. Половина десятого. Солнце уже совсем скрылось, оставив после себя красноватое зарево, а на пока еще светлом небе появилась бледная, как тень, луна. Вода казалась уже такой холодной, что даже подходить к ней не хотелось. Аня заглянула в палатку, но там еще царила прежняя духота, пропитанная запахом брезента, поэтому лучше все-таки было оставаться снаружи.

Вадим появился сзади, неся пучок сосновых лап.

– И это все? – в данный момент Аню не интересовал, ни костер, ни шашлыки – просто надо было что-то сказать, чтоб он не чувствовал себя пустым местом – может, когда-нибудь

в будущем пригодится. ...*Хотя сколько их уже было, и никто не пригодился...* – Аня вздохнула.

– Все. А топора у нас нет?

– Это ты у меня спрашиваешь? Садись – пять.

– И то, правда, – Вадим почесал щеку, – но все дрова здесь собрали еще до нас, – он закурил, оглядывая окрестности, – знаешь, когда мы ходили искать этого хрена – Игоря, будь он неладен, наверху видели полуразвалившийся дом. Юля сказала, что он заброшенный, но там остался совершенно классный забор. Может, пограбим остатки былой роскоши?

– Прямо, вот так, дом? – удивилась Аня.

– Прямо, вот так. Без окон, без дверей, но это не важно. Дом мы разбирать не будем. Пойдем?

– Пойдем, – Аня надоело сидеть и смотреть на воду. Она встала, – а вещи не сопрут?

– Здесь же нет никого. Хотя... чем черт не шутит, пока бог спит. Ладно, оставайся, – Вадим снова пошел вдоль берега, а Аня полезла в сумку, ища, чем бы заняться. И нашла. В боковом кармане лежала потертая колода карт. Она разгладила покрывало и принялась раскладывать пасьянс, которому ее научила Катька.

...Откуда она его выцепила?.. Впрочем, какая разница?.. Сойдется с трех раз – заплатит, не сойдется... значит, не сойдется, – загадала она, тасуя колоду.

Но пасьянс не сходился, ни с третьего, ни с четвертого, ни даже с пятого раза. Аня бросила карты и откинулась на спи-

ну, глядя, как высоко и стремительно носятся в сером небе ласточки. ...*Значит, дождя не будет – это уже хорошо...*

Послышался шорох, будто по земле тащили что-то большое и тяжелое. Аня повернула голову и увидела Вадима, волокшего три длинных жердины, которые оставляли за собой узкую борозду примятой травы.

– Там этого хлама – море, даже не надо забор ломать, – объявил он весело.

– А там, точно, никто не живет? – Аня удивилась, что такие шикарные дрова еще целы, несмотря на то, что на берегу Вадим не нашел ни одной нормальной ветки.

– Никого там нет. Да и дом в таком виде, что, по любому, жить в нем невозможно. Там, похоже, когда-то был целый хутор с надворными постройками, колодцем, но все в таком убогом виде. Наверное, старики жили, да померли. Пойду, еще пару раз схожу, и, думаю, хватит... Слушай, где же народ? – он посмотрел на часы, – половина одиннадцатого! Я уже жрать хочу. Блин, от Славки я такого не ожидал... – не дождавшись ответа, он направился обратно к хутору.

*

Слава курил лежа, водрузив ноги на баранку, и думал, как неожиданно к нему вернулось почти забытое ощущение молодости и азарта. Он даже не заметил, что совсем стемнело, но главное было не в этом – жизнь вдруг перестала казаться

скучной и однообразной. Катя лежала рядом – совсем голая, раскинув руки, и тоже отдыхала, прикрыв глаза.

– Катюха, ты чудо, – Слава выбросил окурочек, – нет слов!..

– А зачем слова? – не открывая глаз, она повернула голову, – ты тоже очень нормальный.

– Пора, – Слава вздохнул, – народ, похоже, уже бесится.

– Ничего, – Катя села, поджав под себя ноги, – Анжелка не умеет беситься, а если бесится Вадим, то это ее недоработка, а, значит, и ее проблемы, так?

– Ладно тебе, – усмехнулся Вадим, – одевайся. Поехали.

*

– Ань! Что я нашел! – крикнул Вадим, приближаясь к палатке с очередной партией жердин.

– Что? – сидя на пне, Аня чистила овощи. Они решили никого не ждать и приступить к шашлыкам самостоятельно, благо, Славка вытащил весь провиант из машины.

– Смотри! – Вадим бросил дрова, не дотащив их до костра, и протянул маленький кожаный футляр с порванной ручкой.

– Где это ты взял? – Аня с любопытством расстегнула молнию, – какой классный фотик!..

– Валялся у крыльца. Я чуть не наступил на него.

– Клево. Слушай, а откуда он, если там никто не живет?

– Кто-то, наверное, решил сфотографироваться для экзо-

тики, – он взял фотоаппарат из Аниных рук, – кстати, это не «мыльница», а очень приличная дорогая техника.

– И сколько такой стоит?

– Баксов семьсот, не меньше.

– Баксов?!..

– Конечно.

– Реально, круто, – Аня с уважением посмотрела на черную коробочку с закрытым глазом объектива, – а продать его можно?

– Зачем? – Вадим удивленно повернулся, – я что, настолько обнищал?.. Нет, вот, аппарат я б себе, точно, не купил, а так... короче, лишним не будет.

Аня выразительно вздохнула и решила, что если он не заплатит хотя б несколько тысяч рублей, то будет сволочью.

– Слушай, – Вадим продолжал внимательно изучать технику, – тут, между прочим, вся пленка целая. Хочешь, я тебя снимаю?

– Хочу, конечно, – Аня огляделась, ища подходящий фон. Она очень любила фотографироваться, потому что, как большинство девушек, мечтала стать моделью; при этом прекрасно понимала, что с ее грудью и ростом метр шестьдесят четыре, это вряд ли возможно, но когда перед камерой принимала разные позы, а потом сверкала вспышка!.. Она чувствовала, что ничего невозможного не бывает. И чем больше разных снимков расходится по городу, тем больше вероятность, что хоть один попадет в нужные руки, и кому-то сроч-

но потребуется низкорослая, плоскогрудая модель.

– А еще не слишком темно? – спросила она опасливо.

– С хорошей оптикой и хорошей пленкой ночные кадры получаются даже лучше. Куда б тебя поставить?.. Давай между кустов, напротив спуска к реке, и так, чтоб отражение луны было видно. Давай...

– А можно так? – Аня подняла футболку.

– Почему нет? Хочешь, и остальное снимай, – Вадим сказал это просто так, не учтя вышколенности персонала фирмы «Досуга день и ночь...», но Аня, вслед за футболкой, безропотно стянула шорты вместе с трусиками, и бросив на покрывало, направилась к воде.

*

Слава знал за собой одну глупую черту – не воспринимать женщин, с которыми незнаком, какими бы привлекательными они не казались; зато стоило ему познакомиться с кем-нибудь поближе, женщина на определенное время сразу становилась единственной и неповторимой. Скоро это восторженное состояние проходило, и все возвращалось на круги своя, но жена так и не смогла понять, что все его любовные похождения относятся лишь к категории «познания мира», и не более того. Хотя, пожалуй, это вообще не дано понять женщинам...

Зная, что себя не переделать, Слава согласился на развод,

и сейчас, три года спустя после этого события, однозначно считал, что поступил правильно – так им обоим стало лучше. Она, в конце концов, нашла спокойного, уравновешенного домоседа с приличным заработком, а он периодически встряхивался, как, например, сегодня... короче, он чувствовал, что Катя нравится ему все больше.

Солнце уже спряталось окончательно, и ветерок, переставший быть его палящим дыханием, врывался в салон, ероша и путая длинные Катины волосы; сама же она курила, задумчиво глядя в окно, и казалась тихой и умиротворенной.

– Слав, – Катя поправила рукой непослушные волосы, – а если б я не дала тебе, ты б высадил меня и уехал?

– Охренела?.. – Славино лицо стало таким обескураженным, что Катя засмеялась.

– У меня такое уже случалось, и пришлось тачку ловить, реально, в лесу. Слава богу, мужик нормальный попался.

– Блин, у меня и в мыслях такого не было!

– Так уж и не было, а «резинки» с собой прихватил, – она подмигнула, словно поймала его на мелкой хитрости.

– Ну... это входит в комплектацию автомобиля. Иначе ГАИ оштрафует. А, вообще, я маленьких девочек не обижаю.

– Слав, – Катя села поудобнее, повернувшись к нему лицом, – почему ты думаешь, что я маленькая девочка? Мне, например, нравится ваше поколение – не старики, а зрелые мужики, вроде тебя. С вами интереснее, чем с ровесниками,

только вы почему-то не воспринимаете нас всерьез. Мы же не только «подстилки», мы еще хотим чего-то...

– ...а я не считаю тебя «подстилкой». Я даже рад, что мы...

– Кстати, это реально случай, – перебила Катя, – вообще, я в той кафешке не бываю. Обычно я в «Бегемоте» зависаю...

– Насколько я помню, это довольно дорогое заведение.

– А я что, плачу? Я там работаю. Всякие программы – от показа мод до боди-арта; я везде.

– И платят?

– Так, – она махнула рукой, – просто кайфово. Иногда, правда, пригласят за столик. Накормят-напоят, а нет, так и нет...

– Веселая у тебя жизнь.

– Ты что?!.. Это ж конкретный отрыв!.. А, думаешь, я совсем дура? У меня нормальная мать; я учусь на втором курсе «универа» – на романо-германском. Ты что, Славик, – она легонько толкнула его в плечо, – думаешь, я с панели? Ни фиги – я за «бабки» не работаю. Я себя не на помойке нашла.

– А Анжелка?

– Она только за «бабки». Но ей крутиться надо. Она тоже в «универ» поступала, но не прошла. Мы с ней на вступительных и познакомились. Домой возвращаться не хочет – она из какой-то деревни, типа, Говнилово. А здесь жить на что-то надо, за квартиру платить. Они на двоих с подружкой снимают...

– А откуда в деревне такое имя взялось? В честь Анжелы Дэвис, что ли?

– Кто такая Анжела Дэвис?

– Ты не знаешь? А нам в свое время ею всю голову пробили! Анжела Дэвис – это американская борец за мир.

– Да?.. Ну, Анька – точно, не борец за мир... чего ты так смотришь? Анька она, и фамилия у нее – Закурдаева.

Посмеявшись над смешной Аниной фамилией, они замолчали. К этому времени стало совсем темно, и Слава включил фары. Яркий луч выхватил серую полосу дороги и могучие деревья, подступавшие к самой обочине.

– Слушай, а где Дремайловка-то? Тебе не кажется, что мы очень долго едем?

– По-моему, мы просто очень долго стояли, – Катя попыталась прижаться к Славе, отчего машина вильнула влево, выскочив на встречную полосу.

– Катюх, не хулигань, – предупредил Слава беззлобно.

Деревня возникла совершенно неожиданно, потому что фонарей здесь не существовало изначально, а ни одно окно почему-то не светилось – просто кончились деревья, и вместо них появились неказистые заборы. Может, это была вовсе и не Дремайловка, но такая мысль не пришла никому в голову.

– Ну, наконец-то, – Слава облегченно вздохнул, – теперь смотрим поворот, – он сбросил скорость, и тяжелый джип покатился тихо и плавно.

– Вон, – Катя показала вперед, – видишь?

Они свернули с асфальта; в свете фар замелькали сосны, возникая ниоткуда, и пропадая, выскользнув из яркого луча, будто перебежали дорогу.

– Как клево!.. Люблю ездить ночью... Давай музон включим? – Катя взяла с заднего сиденья пакет, наклонилась, рассматривая пестрые коробочки, но вдруг машина затормозила так резко, что она чуть не влетела лбом в тускло светившиеся приборы, – твою мать!.. – подняла голову и увидела столб, вкопанный прямо посреди дороги, а чуть дальше, покосившейся забор и дом с пустыми глазницами окон, – где это мы?..

– Я догадываюсь где, но не пойму, как мы сюда попали, – Слава заглушил двигатель, и вокруг стало тихо – ни ночных птиц, ни цикад... ничего, только издалека доносился плеск воды.

– Слышишь? – Катя подняла палец, – река.

– Короче, мы метрах в ста от лагеря, но как туда проехать? – Слава почесал затылок, – и какой идиот врыл здесь столб?..

*

«Фотосессия» показалась Вадиму веселым занятием – в нем проснулся азарт, то ли фотохудожника, то ли папарацци, и пока Аня белой тенью кружилась на фоне темной ре-

ки, он с удовольствием щелкал камерой, комментируя ее позы. Забава могла б продолжаться еще долго, но, несмотря на дневную жару, от воды тянуло холодом.

– Чего-то я замерзла, – после очередного «кадра на траве» Аня поежилась, – да, если честно, мне уже и надоело. Есть хочется, – она принялась одеваться, – я, между прочим, за день выпила две бутылки пива и съела помидор.

– Я тоже, только без помидора, – убрав камеру, Вадим подбросил дров в костер.

– А эти сейчас приедут сытые и пьяные...

– А мы не будем их ждать – пошли они!.. – Вадим уселся к огню, нанизывая мясо. Он уже, действительно, залился на Славу – за двадцать лет знакомства таких подстав он не мог припомнить. Если только, правда, что-то случилось с машиной...

*

– Ну что, так и будем сидеть? – напомнила о себе Катя.

– Не будем. Я вспоминаю дорогу и не могу понять, где мы съехали не туда. Ладно, – Слава достал сигарету, – пойду, гляну.

– А я? Мне тут страшно.

– Чего страшного? Хутор заброшенный – мы видели его, когда ходили искать Игоря.

– Мне все равно страшно. Здесь как-то жутко.

– Закрой окно, – Слава нашел в бардачке фонарик и вылез из машины, – не бойся.

Тонкий луч заметался по лесу, по дому, мелькнул в черном небе. Катя видела, как он удаляется, и нервно закурила.

Слава пошел вдоль забора, который, несмотря на старость, не имел ни одной явной дыры; заглянул в узкую щель, приставив к ней фонарик, и увидел заросший травой двор, почерневший от времени бревенчатый сруб с провалившейся крышей – действительно, именно его они видели с берега. Сосны вплотную примыкали к забору, и проехать, минуя дорогу, было невозможно. Свернув к реке, Слава вышел на косяк и метрах в пятидесяти горел костер; в его отсветах виднелись две фигуры около оранжевой палатки.

– Вадим! Это мы! – Слава помахал фонариком, обозначая свое местоположение.

У костра возникло движение, и голос Вадима спросил:

– Чего ты там делаешь?

– Промахнулись немного, а тут дорога перегорожена.

– А Катя где?

– В машине сидит! Иди сюда! – у костра возник спор, и из обрывков фраз Слава понял, что Аня не хочет оставаться одна, поэтому крикнул, – ладно! Сидите, я сам!

Он пошел обратно, обходя хутор с другой стороны. Через несколько метров в заборе обнаружилась дыра, и трава оказалась сильно примята, что говорило о недавних гостях. Слава тревожно оглянулся, но вокруг по-прежнему стояла

мертвая тишина.

Миновав дыру, он вышел к месту, где лес почему-то отступил, образовав поляну, правда, успевшую зарости невысокими чахлыми деревцами.

...А вот здесь я, пожалуй, проеду, ели, конечно, нету пней... А, кстати, вон и он... Слава продрался сквозь заросли, но это оказался совсем не пень, а могильный памятник; и рядом еще один. Тут же примчавшийся из детства страх толкал его побыстрее покинуть жуткое место, но взрослое любопытство заставило все-таки подойти ближе. По степени разрушения, надгробья выглядели достаточно старыми, но на одном из них сохранился портрет, выполненный на чем-то, вроде, современной керамики. С портрета смотрела девушка с большими печальными глазами; техника съемки и ее внешность соответствовала началу двадцатого века, а под портретом значилось – «Анастасия Чугайнова». *...И зачем мне это было знать?..* – Слава оглянулся, – *главное, что здесь я тоже, ни фига, не проеду...* Почти бегом он вернулся к джипу, и Катя, внимательно смотревшая в окно, мгновенно распахнула дверцу.

– Где ты так долго?

– Я не долго. Короче, надо ломать чертов столб – другой дороги нет.

То, что они вовсе не заблудились, успокоило Катю. Она вылезла из машины и подойдя к столбу, тронула его ногой. Столб был вкопан на совесть, но выглядел не таким уж гроз-

ным, по сравнению с монстром, которому посмел преградить путь.

– Сейчас будем пить водку с шашлыками, – Слава залез в машину, – я видел Вадима с Аней – они нас ждут.

– Самое время, – Катя посмотрела на часы.

– А мы что, спать сюда ехали?..

Двигатель взревел, и «монстр» своей тупой мордой начал теснить противника. В результате все получилось легко и просто – столб, даже не погнув «кенгурятник», вывернулся из земли, правда, при этом ударив в днище. Джип подпрыгнул и заглох.

– Двести пятьдесят лошадей – не хрен собачий, – довольный Слава высунулся в окно, – садись, поехали.

Катя юркнула на переднее сиденье. Джип плавно скатился на берег и уже через несколько минут осветил мощными фарами палатку, притушенный костер с томившимися на нем ароматными шашлыками, Вадима с Аней, сидевших рядом с уже сервированным пнем, служившим столом и для Юли с Игорем.

– Вам крупно повезло, что мы такие стойкие, – пробурчал Вадим, – другие б давно все сожрали, из принципа.

– Ну, так получилось, сам понимаешь, – Слава засмеялся.

Катя чем-то шуршала в машине, и наконец из открытой двери громогласно раздалось:

– ...Ты не любишь меня, я тебя не люблю...

– Вот и музыка, – она тоже спрыгнула на землю, – все, как

обещали. Анжел, ты как тут?

Но Аня демонстративно отвернулась к реке.

*

Утром Вадим проснулся первым. Над еще тлевшими углями лежал одинокий шампур с обуглившимся мясом, а вокруг несколько пустых бутылок и одна недопитая, заткнутая куском огурца; еще пластиковые тарелки, стаканчики, смятые салфетки, но ни хлеба, ни колбасы с сыром не было – видимо, о них позаботилась местная фауна, зато огурцы валялись везде – похоже, народ вчера кидался ими друг в друга. А над землей вставало солнце. Редкий туман еще висел кое-где, зацепившись за кусты и маячившие у противоположного берега редкие камышины. Вода была гладкая, без единой рябушки, и солнце отражалось в ней большим ровным диском, а прямо над головой щебетала невидимая птица, повторяя в сотый раз одну и ту же музыкальную фразу.

Вадим потянулся. Все было бы вообще здорово, если бы так не болела голова и не сушило во рту. Минуту подумав, он взял недопитую бутылку; подержал в руке, борясь с искушением мгновенно избавиться от всех болезненных симптомов, но решил, что кому-то придется вести машину, а Слава вряд ли будет способен на такой подвиг. Посмотрел на часы. *...И черт меня дернул проснуться в такую рань?.. Попадали-то мы в половине пятого!..* – Вадим отвернулся от остат-

ков вчерашнего буйства и усталился на воду, – *не зря говорят, что на нее можно смотреть вечно...* На этом мыслительный процесс застопорился.

Бок палатки зашевелился. Оттуда послышался неясный шепот, смех, и движения брезента приобрели определенную ритмичность. Благостность была нарушена – Вадим вздохнул и направился к реке. Зайдя по пояс, он почувствовал, как через ноги в него вливается некая жизненная сила. Постоял минуту и поплыл, взметая фонтаны брызг. Добравшись до широкой заводи, куда вчера они доходили пешком в поисках Игоря, он перевернулся на спину и замер, раскинув руки. Высоко над головой пространство замыкалось ослепительно голубым небом, а вода ласково покачивала тело на своей мягкой перине. Вот за этим изумительным состоянием он, собственно, и ехал сюда, а не ради Ани или их вчерашнего сумасшествия.

Вадим не знал, сколько прошло времени, но течение стало сносить его к противоположному берегу; нехотя перевернувшись, окунувшись с головой, и поплыл обратно. На берег он вышел совершенно другим человеком, свежим и бодрым. Среди остатков трапезы нашел пачку сигарет; прикурил, но бросив обратно зажигалку, случайно попал в пустую бутылку. На этот звук полог палатки приоткрылся; оттуда показалась голова Славы, взъерошенная, с опухшим лицом и узкими глазами. Потом он выполз весь, поправляя плавки.

– А у нас своя зарядка, – он сладко потянулся, – вовремя

ты ушел купаться.

– Купаться – всегда вовремя, – философски заметил Вадим, – похмелись, там осталось.

– А за руль?

– Да не мучайся ты – сердце ведь остановится. Я поведу. Я сегодня больше пить не буду.

– Точно?

– Ну, сказал, значит, точно. Мой организм двухдневных пьянок уже не выдерживает. Это не институтский колхоз, когда всей деревней нам самогон выгонять не успевали, помнишь?

– Конечно, помню. Хорошее было время, – он взял бутылку, – нет, здоровье надо поправить, это ты верно заметил. Так, ты, точно, поедешь?

– Пей, – Вадим засмеялся, – не могу ж я дать другу помереть от острого неопохмелита – чай, фармацевт, не хрен собачий. Должен же я о твоём здоровье заботиться.

Открыв машину, Слава достал пакет с едой, предусмотрительно оставленной для завтрака, и стряхнув вчерашние объедки, разложил все на прожженной в нескольких местах одноразовой скатерти. Он уже выдохнул, поднеся ко рту стакан, когда из палатки появилась Катя.

– А я? – выглядела она неплохо, успев даже собрать волосы в хвост, и от этого стала совсем похожа на школьницу.

– А ты тоже похмеляешься? – удивился Слава.

– Я думала, вы завтракаете, – она разочарованно сморщи-

ла носик, – я жрать хочу ужасно. Но и от пива не отказалась бы.

– А водочки?

– Водку по утрам?.. Фи... – она покачала головой.

– Аньку будить надо? – спросил Вадим.

– А это бесполезно. У нее спец-режим – она ж обычно всю ночь работает, а до полудня спит. Пусть девочка отдыхает, – Катя опустила на корточки и бесцеремонно взяла почищенное Славой яйцо, – спасибо, Славик.

Слава не ответил, потому что именно в этот момент сделал глоток, и его передернуло.

– Фу, какая гадость, а ведь надо, – он сунул в рот кусок черствого хлеба, – Кать, в машине еще мясо должно остаться. Давайте костерок разведем, – он огляделся, – дрова у нас есть?

– А, вот, нету, – Вадим развел руками, – кое-кто вчера тут жег все подряд.

– Тогда давай топор, – Слава вздохнул.

– Какой топор? Я ж тебе вчера рассказывал... или не помнишь? На хуторе дров этих, валом. Пошли.

Когда они уже подходили к забору, Слава спросил:

– Так это ты дырку в заборе сделал?

– Здравсьте, батенька, что-то с памятью вашей стало. Мы ж вчера об этом говорили.

– Да?.. – Слава смущенно почесал затылок, – бывает... а я, когда эти следы ночью увидел – честно, как-то не по себе

стало.

– Следы это мои, а, вот, кто фотоаппарат потерял, загадка.

– Какой фотоаппарат?..

– Блин!.. Ты что, вообще ни хрена не помнишь?.. Вернемся, покажу. У крыльца валялся.

Они пролезли во двор. В зияющем дверном проеме, в окнах, до которых уже дотягивалась трава, белели стены в грязных потеках дождевой воды, лившейся через крышу.

– Внутрь не заходил? – деловито осведомился Слава.

– А чего там делать? – Вадим указал на аккуратно сложенные жердины, – бери, да пошли.

– Я тут вчера наткнулся на кладбище...

– Блин, ты вчера рассказывал! Фамилия у них – Чугайновы.

– Да?.. Значит, все заспал... нет, вот, как с Каткой трахались, помню.

– Это уже утром было, – Вадим засмеялся, – а вчера тебя, хоть самого трахай.

Они вылезли через ту же дырку и пошли к палатке, волоча по жердине в каждой руке. Катя мокрая, в блестящих капельках воды, стояла лицом к солнцу, широко расставив ноги.

– А ничего девочка, да? – в Славином голосе звучала гордость, словно принадлежала она лишь ему.

– Все хорошие, пока «девочки». Откуда только жены такие хреновые берутся...

– Это точно.

Вскоре дымок, смешанный с ароматом жареного мяса, пополз над рекой. Слава откопал еще бутылку водки и баклажку теплого, противного пива. Праздник продолжался, только гораздо спокойнее – с купанием и игрой в карты.

А солнце поднималось все выше, накаляя воздух до вечерашней нестерпимости...

К полудню, как и обещала Катя, появилась «Анжела» – заспанная, взъерошенная и с большой головой; правда, после купания она взбодрилась, но настроение от этого не улучшилось. Хандра как-то незаметно передалась остальным, и к четырем часам всем стало окончательно скучно – разговор иссяк, карты надоели, поэтому, не стовариваясь, все засобирались домой, оставив после себя смятую траву, потухший костер и кучку неиспользованных дров.

*

Желаемых денег Аня не получила. Слава забыл о них, а Вадим просто не догадывался, что от него требуется что-то еще, кроме организации самого уик-энда. Тем не менее, она все-таки сунула ему телефон фирмы «Досуг день и ночь...», надеясь в следующий раз (если он, конечно, состоится), расставить все по местам и получить вознаграждение вдвойне. Эта мысль, хоть и грела, но деньги нужны были сейчас, нужны каждый день, поэтому романтического прощания не по-

лучилось – Аня просто хлопнула дверцей и пошла, не оборачиваясь, к серой пятиэтажке, затерявшейся в пыльной зелени тополей, где и располагался «Досуг день и ночь...»

Катя покинула компанию чуть позже. Вообще-то, она осталась довольна проведенными выходными и была бы не прочь покурлесить еще, но ночью ей предстояла работа в «Бегемоте», поэтому требовалось выспаться. Она поцеловалась со Славой, чмокнула в щеку Вадима и выпорхнула на тротуар, легкая и такая юная, что проходим, наверное, казалось, что мама послала ее за хлебом, а не возвращается она после суточного загула.

– Приятная девочка, – Слава все еще смотрел ей вслед.

– Да брось ты, – Вадим включил поворотник, – а то не знаешь – мы ж любим не женщину, а себя рядом с женщиной, поэтому, когда выплеснем на нее... да и в нее тоже... все, что имеем, она становится нам уже не интересна, так?

– О чем мы с тобой рассуждаем?.. – Слава сладко потянулся, – как дети малые...

Медленно прокравшись между выбоинами в асфальте, джип остановился около добротного кирпичного гаража, непонятным образом затесавшегося среди старых, еще социалистической постройки, сараев.

– Как тебе разрешили его тут поставить? – удивился Вадим.

– Молча, – Слава рассмеялся, – с администрацией надо дружить. Он у меня выкуплен – комар носа не подточит.

Машина въехала в полумрак и остановилась; гулко хлопнули дверцы.

– Оставляем барахло здесь, и идем пить пиво.

– Ну, свое-то я заберу, – Вадим вытащил сумку, и они пошли мимо визжавших на качелях детей, мимо женщин на скамейке, которые все, как одна, поздоровались со Славой.

– Уважают?

– А то б! Я ж за свои бабки во всем подъезде провел кабельное телевидение, изменив, тем самым, отношение сразу ко всем «новым русским».

– Мудрый ход.

– Зато теперь, ни гараж мой их не раздражает, ни евроремонт. Когда я в квартире стены начал переносить, сначала знаешь, какой хай поднялся, а теперь все довольны, – Слава отпер металлическую дверь – единственную на лестничной площадке.

Вадим не признавал российские «евроремонты». Помещение сразу становилось вычурным и, вроде, нежилым – хотелось ходить на цыпочках, садиться обязательно на краешек... у него самого все выглядело проще, и, как ему казалось, уютнее.

Пройдя на кухню, Слава распахнул холодильник, и Вадим подумал, что холодильники у них тоже сильно отличаются. Если у него он заполнен кастрюльками и мисочками, которые оставила перед отъездом на юг Алла, уже три года пре-

тендовавшая на роль жены, но пока так и не добившаяся ее, то здесь пестрело разноцветье блестящих этикеток на самых разнокалиберных банках и пакетах.

– Итак, что мы откроем к пиву?

Вадиму ничего не хотелось открывать.

– Может, пойдем, посидим где-нибудь? – предложил он.

– Давай, – Слава решительно закрыл холодильник – за время дороги он успел выспаться и выглядел гораздо лучше, чем утром.

Вадим полез в сумку за новой пачкой сигарет, и вместе с ней извлек кожаный чехол.

– Кстати, посмотри. Я тебе говорил – вчера нашел.

– Нормальная штука, – Слава повертел в руках фотоаппарат, – богатые туристы посещают эти развалины. Если б я такой потерял, то сильно б расстроился.

– Может, они тоже расстроились, но поезд-то ушел, – Вадим забрал у Славы свою находку, – заодно пленку отдам проявить. Я там Аньку фотографировал в стиле «ню».

– Долго уговаривал?

– Абсолютно нет. Она девочка, вообще, без комплексов.

– Кстати, ты ей хоть денег дал?

– Нет. А надо было?

– Надо. Она ж, типа, на работе. Катюха говорила, а я забыл.

– Неудобно-то как... – Вадим засмеялся, вспомнив старый анекдот про Стеньку Разина и княжну, – ладно, телефон

есть. Фотографии буду отдавать, тогда и рассчитаемся, – он вынул кассету с пленкой, – пошли?

Жара спала, и даже поднялся легкий ветерок. Народ выполз из душных квартир, устраиваясь под разноцветными зонтиками многочисленных кафе. Им достался столик у самого края, откуда только что поднялись две девицы в одинаковых белых брючных костюмах. На столике осталась пепельница, полная окурков со следами помады, и две бутылки из-под «Колы».

– Видать, разговор состоялся серьезный, – заметил Вадим, отодвигая стул.

– Кто кого, когда и сколько раз.

– Стареешь, брат, – Вадим вздохнул, – все мысли твои движутся в одном направлении.

– Ну, никто не молодеет. А о чем им еще беседовать?

– Например, о решении теоремы Ферми.

– Да, эта задача непременно не дает им спать по ночам...

Официантка, совсем юная – скорее всего, старшеклассница, подрабатывающая на каникулах, принесла пиво. Вадим сделал первый глоток, окунувшись губами в белую пену...

– Все-таки жизнь прекрасна и удивительна!..

Оба замолчали. Мимо сновали люди, пестрые и по-летнему радостные. Наблюдать за ними было очень приятно, и казалось, что никаких проблем в мире не существует. Слава лениво размышлял о том, стоит ли ему завтра показываться на работе или достаточно будет позвонить, чтоб убедить-

ся, что машина пришла – тогда можно отдыхать дальше. Вадим прикидывал, чем сейчас может заниматься Алла в своей Анапе, куда он все-таки отправил ее после многочисленных просьб. Сам он решил не ехать, так как твердо исповедовал принцип – отдыхать надо не вместе, а друг от друга.

Разговаривать было не о чем. Вспоминать институтское прошлое давно стало неинтересно, потому что колорит и непосредственность впечатлений стерлись, оставив голые, обыденные факты, которые без соответствующих эмоций не несли в себе ничего привлекательного, а больше их ничего и не связывало уже много лет. Если, конечно, не считать последних приключений, но и в них не было ничего выдающегося, о чем стоило бы вспоминать. Наконец, Слава придумал тему:

– Вечером в «Бегемот» сходим? Поглазеем на Катюху.

– А чего мне на нее глазеть? Я спать буду. Ты-то в машине выспался, а я рулил. Сейчас приду, диск какой-нибудь воткну – где не сильно стреляют, и пусть бубнит.

Пива больше не хотелось, а просто сидеть тоже не имело смысла, тем более, за спиной, в ожидании свободного места, демонстративно переминалась с ноги на ногу какая-то парочка.

– Ну, что? – докурив, Вадим поднялся, – созвонимся?

– Конечно. А я все-таки схожу в «Бегемот». Ты завтра дома?

– Наверное. Пока не знаю.

Они направились в разные стороны – примерно так же выглядело их расставание полгода назад; они тоже собираясь созвониться, но так и не собрались, пока позавчера случайно не встретились на улице.

*

Вадим проснулся рано, хотя никакой необходимости в этом не было – просто дурацкая привычка, сохранившаяся с тех времен, когда он еще работал на заводе и не занимался никаким бизнесом... Впрочем, тогда и бизнеса-то никакого еще не было. Он хорошо помнил, как спешил любой ценой проскочить через проходную, пока охрана не начала отмечать опоздавших, а теперь его аптеки открывались, независимо от присутствия генерального директора, и соизволит ли он, вообще, посетить их, являлось его личным делом. Сегодня он решил там появиться, ведь нельзя на целых три дня оставлять подчиненных без присмотра – это расхолаживает людей.

Приняв душ и позавтракав, Вадим вышел на балкон с первой утренней сигаретой. Несмотря на ранний час, прохлада уже сменилась пеклом, готовым выжать из тебя последнюю влагу. ...*В пору опять идти под душ...* – Вадим усмехнулся, прекрасно понимая, что даже это даст передышку, максимум, минут на пятнадцать, а потом рубашка снова прилипнет к спине, влажные джинсы встанут колом и противные

струйки побегут по груди, собираясь под ремнем. Выходить на улицу сразу расхотелось, но если он принимал решение, то уже никогда не анализировал, нужно ли его выполнять.

Выехав в город Вадим вспомнил про отданную в проявку пленку. Сейчас, когда начиналась новая неделя, и события выходных, потеряв новизну, осели где-то на дне памяти, желание взглянуть на Анины фотографии перестало быть привлекательным, но во всем опять же должен быть порядок – если снимки будут готовы сегодня, значит, сегодня их надо и забрать. Эта привычка жить по графику сложилась годами, и отказавшись от нее хотя бы в мелочах, Вадим сразу чувствовал себя не в своей тарелке – вроде, не отдал кому-то долг.

*

Тесная фотостудия, переделанная из обычной квартиры, освещалась боковыми светильниками, отраженными в десятках настенных зеркал, и вся эта феерия казалась даже ярче утреннего солнца, поэтому войдя, Вадим зажмурился.

– Здравствуйте, – девушка за прилавком улыбнулась.

– Доброе утро, – Вадим любил, когда люди по утрам улыбаются, и ответил тем же, подавая квитанцию.

– Одну минуточку, – девушка исчезла в двери, оклеенной рекламными плакатами, и потому совершенно незаметной среди других картинок, занимавших всю заднюю стену.

Ждать пришлось долго. Сначала в проеме появилась и исчезла голова молодого человека (Вадим узнал его – это он вчера принимал заказ) и на его месте возник невысокий лысоватый мужчина. Он внимательно изучал посетителя, видимо, считая, что сам остается незамеченным, но с точки, где стоял Вадим, очень хорошо просматривалась часть подсобки. Потом мужчина тоже исчез и снова мелькнул парень, а улыбчивая девушка все не возвращалась. Вадим уже собирался постучать по прилавку, когда лысый возник открыто, держа пакет с заказом.

– Это ваша пленка?

Вадим мельком увидел на пакете свою фамилию.

– А что, есть проблемы? Вы испортили ее?

– Ну, что вы! Мы никогда ничего не портим – у нас автоматика, а машина не ошибается. Просто у меня к вам серьезный разговор.

– Даже так?.. – Вадим быстро прикинул, что, кроме голой Ани, пьяной Славиной физиономии и Кати, пляшущей у костра, на пленке ничего не могло быть, поэтому, на всякий случай, уточнил, – у нас что, запретили снимать обнаженную натуру?

– Что вы, скорее, наоборот, – мужчина загадочно улыбнулся, – пойдете, – подняв прилавок, он протянул руку, – Виктор.

– Вадим.

– Пойдете, Вадим, у меня к вам есть предложение.

Когда они проходили мимо печатной машины, два парня, колдовавших возле нее, как по команде, вскинули головы и уставились на Вадима. Ему показалось, что в их взглядах присутствовала смесь испуга и восхищения. Сам Вадим ничего не понимал, но ему становилось все более интересно.

Миновав полутемный коридор, гость и хозяин оказались в маленьком кабинете, где улыбочивая продавщица разливала кофе.

– Спасибо, Оленька, – Виктор выпроводил девушку, но в дверях она оглянулась, смерив Вадима оценивающим взглядом.

– Садитесь, – Виктор отодвинул стул, а сам плюхнулся в кресло по другую сторону и сразу пододвинул гостю пачку «Парламента», видимо, не зная, с чего начать, – курите.

– Спасибо, – Вадим взял сигарету.

Виктор несколько секунд постукивал пальцами по столу, собираясь с мыслями.

– Как вы относитесь к эротике? – наконец спросил он.

– Никак, – мысленно Вадим усмехнулся: *...Старый козел, таких Анек я тебе подгоню сотню, если сам не можешь снять...*

– Странно. Судя по вашим работам, я посчитал, что вы занимаетесь этим профессионально.

Вадим чуть не расхохотался – если сфотографировать голую девчонку в кустах, это профессионализм... Наверное, мысли отразились на его лице, потому что Виктор поспешно

выдвинул ящик стола и протянул визитку, где значилось – «Панкратов Виктор Сергеевич. Фотограф. Победитель международных конкурсов фотографии».

Вадим поднял голову и только сейчас обратил внимание, что стена за спиной хозяина увешена всевозможными дипломами в тонких светло-коричневых рамках.

– Это все ваши?

– Мои. Как видите, я могу оценить истинное фотоискусство и истинную натуру.

Вадим окончательно растерялся, не понимая, чего от него может хотеть «победитель международных конкурсов», а тот не спеша закурил и начал говорить, уставившись в маленькое окно с решетками, выходявшее прямо на мусорные контейнеры.

– Эротика – это искусство, которого у нас нет. Потому что для настоящей эротики женщина не должна ворочать рельсы и укладывать асфальт. Она должна ощущать себя некой возвышенной субстанцией, а не существом с могучими руками, которыми можно коня на скоку остановить, и даже не с высоким интеллектом, дающим возможность построить свой бизнес, что сейчас крайне модно. Она должна носить в себе прелестную тайну, которую пытается познать остальное двуногое население земного шара, но не может – не дано ему этого. Оно может только соприкоснуться с тайной, приоткрыв ее покров чуть больше или чуть меньше, но никогда не может разгадать ее до конца.

Наша эротика смешна и, одновременно, печальна, – он достал из ящика и бросил на стол пачку фотографий, рассыпавшихся веером, – смотрите. Это то, что присылают мне замороженные секс-звезды, наивно думая, что я могу заинтересоваться ими. Понимаете, Вадим, за всем этим я вижу озверевших от скуки домохозяек; студенток, трахнувшихся с парой однокурсников и вообразивших себя «самыми обаятельными и привлекательными»; школьниц, решивших, что набухшие прыщики уже делают их неотразимыми женщинами. Это документально подтвержденное бесстыдство, подогретое воинствующим мещанством, – он взял верхнюю фотографию и уставился на нее злобным взглядом, – вот она, эротика!.. Софа «Ладога», приобретенная в середине семидесятых, турецкий ковер и на нем нечто худосочное с апельсином зажатым между ног, и взглядом затраханной кошки, – он швырнул фотографию так, что она, перелетев через стол, оказалась перед Вадимом, – или, вот, – Виктор взял следующую, – стыдливая. Поза арестованного наркоторговца. Лицом к стене, руки за голову, ноги расставлены. В итоге, одна задница на фоне полинялых обоев в цветочек... Или вот... Госпожа в шнурках и коже... Это же сейчас модно!.. Только шнуровка чуть не лопается на брюхе. Глазки маленькие, носик курносенький – вылитая «госпожа». Таких даже за прилавок не ставят, чтоб не отпугивать клиентов. И они такие все!.. – Виктор начал выкладывать на стол перетянутые резинкой пачки фотографий.

Вадим сидел, обалдело слушая его, и наконец спросил:

– Простите, а какое я ко всему этому имею отношение?

– Какое? – Виктор придвинулся ближе, небрежно сдвинув фотографии, – если вы отдадите мне своих натурщиц, я вас озолочу. Понимаете, я – человек с мировым именем. «Pethous», «Playboy» – все они будут наши! Это миллионы долларов!..

– Моих натурщиц?.. – Вадим мотнул головой, приходя в себя, – это девочки по вызову; фирма «Досуг день и ночь...»

– Вы что, считаете меня идиотом?!.. – возмутился Виктор, – если б такие девочки работали по вызову, они... они бы не были *такими* девочками! Понимаете, у меня впечатление, будто я держу в руках портреты наших прародительниц – Евы и Лилит. Это девочки по вызову?! – он дрожащими руками открыл конверт с заказом Вадима, – не морочьте мне голову. Сколько вы хотите денег? Вы ж понимаете, что у меня есть имя – я могу выйти на мировой уровень!.. А вы не можете. Давайте делать деньги вместе. Если хотите, оформим наше предприятие юридически?.. – он держал в руках одну-единственную фотографию, словно не желая с ней расставаться.

Вадим ничего не понимал, а мысли носились в голове стремительные, как метеоры – начиная с того, что перед ним сидит параноик или сексуальный маньяк, и кончая существованием волшебного фотоаппарата, преобразующе-

го внешность. Но угадать, в чем заключена правда, Вадим не мог, поэтому молча протянув руку, забрал снимок; взглянул на него и почувствовал, как глаза округляются, приоткрывается рот... Наверное, он выглядел смешно, но сделать с этой гримасой ничего не мог – она, словно приросла к лицу.

С фотографии смотрели две девушки. Одна из них, обнаженная, с распущенными русыми волосами, и бледная, как тень. Длинные ресницы удивленно взметнулись над зеленоватыми, миндалевидными глазами. Она непринужденно сидела на сером покрывале, совершенно не стараясь скрыть наготы, и от этого казалась еще прекраснее в своей естественности. Ее черты, будто проступали из воздуха, образуя с ним единое целое – может быть, поэтому в ее облике не ощущалось ничего пошлого или вызывающего, свойственного картинкам подобного рода. Скорее, весь ее вид подразумевал некую игру, все козыри в которой находились у нее на руках, и она прекрасно знала об этом. Это были глаза женщины, о которой Виктор пытался рассуждать несколько минут назад – они не принадлежали ни бизнес-вумен, ни домохозяйке, ни проститутке, ни даже фотомодели. Это были глаза Женщины с той самой тайной, которую не дано понять ни одному существу другого пола; в них читалось и согласие, и категорический отказ, и верность, и ветренность; все это сосуществовало одновременно, не делимое на сиюминутные настроения. Джоконда с ее дурацкой улыбкой меркла вместе со всеми остальными женщинами, придуманными

или существующими.

– И вы говорите, это девочки по вызову? – прервал сумбурный поток мыслей голос Виктора, доносившийся из какого-то другого мира.

Вадим моргнул, с трудом отрываясь от фотографии, и поднял глаза.

– А на пленке еще что-нибудь есть? – он хотел оценить свойства аппарата – вдруг это, действительно, волшебная штука, и изображена на снимке всего лишь Аня, которую он не смог по-настоящему разглядеть за всей этой пьяной оргией?..

– Да, конечно, – Виктор небрежно махнул рукой, – какая-то голая девка в кустах, мужик пьяный возле джипа... я не понимаю, как можно снимать такую лажу после... – он ткнул пальцем в снимок, который Вадим крепко сжимал в руках.

Вадиму показалось, что теперь русоволосая смеется, и остальная сложная гамма чувств разом исчезла с ее лица, а смеялась она, скорее всего, над ним...

– Я не знаю, кто это, – Вадим прикрыл изображение ладонью, чтоб спрятаться от издевательского смеха.

– Вы убиваете меня, – Виктор расстроено вздохнул, – их надо найти немедленно. Вы понимаете? Немедленно! Это наше с вами будущее! Это огромные деньги!..

Вадим положил фотографию картинкой вниз, но рука сама потянулась, чтоб перевернуть ее и снова поймать взгляд

неизвестной – ему даже пришлось трусливо опустить руки.

– Это не я снимал, – сказал он, – мои работы – как раз та голая девка в кустах и пьяный мужик. Я нашел этот фотоаппарат.

– Вы врете! – Виктор ударил ладонью по столу, – Вадим, вы сами ничего не сможете сделать. У вас нет нужных связей; вас обворуют издатели, в конце концов!..

– Я даю вам честное слово, что фотографировал не я. Я, действительно, нашел этот аппарат. Да, он дорогой, хороший – я сам удивился...

– Где нашли?

– На берегу реки. Пошел за дровами для костра и нашел.

– Если это правда, значит, все дальнейшее бессмысленно, – Виктор тяжело вздохнул, – вся предыдущая эротическая фотография умрет, если кто-нибудь вытащит этих девочек на обложку журнала. А надо быть полным кретином, чтоб этого не сделать... Вадим, вы должны их найти. Простите, вы, вообще, чем занимаетесь?

– У меня свой бизнес. Несколько аптек по городу...

– Боже, какой примитив!.. Бросайте это занятие! Вы должны искать, только искать... У вас будет особняк в Майами и квартира в Париже, а не аптеки в этом заштатном городишке! Вы меня понимаете?

– Понимаю, но от этого не легче, – больше он не мог сдерживать руки – они тянулись к фотографии против его воли.

Выражение глаз девушки снова изменилось. Теперь в них

преобладало желание, противостоять которому было невозможно. Вадим почувствовал, что начинает возбуждаться, будто рядом находилась, ласкавшая его, живая женщина, и если Виктор разгадает его мысли... Он накрыл фотографию ладонью.

– Я не знаю, как это сделать, но я подумаю...

Вадим решил, что должен уйти отсюда немедленно – его волновали даже не обещанные миллионы, а собственное состояние, возникающее при виде снимка. Это было ненормально, и поэтому пугало.

Он встал, забрав фотографию вместе с остальным пакетом.

– Заклинаю вас... – заговорщически прошептал Виктор, – бросайте все дела и занимайтесь только этим. И приходите в любое время, если что-нибудь узнаете. Учтите, сами вы ничего не добьетесь, поэтому не стоит меня обманывать.

– Я понял, – механически пожав протянутую руку, Вадим прошел мимо гудящей печатаной машины, улыбающейся продавщицы, которая показалась страшненькой дурнушкой, и вышел на улицу, где его обдало жаром, будто он спустился в ад; как слепой, добрел до машины и влез в ее раскаленное чрево. Завел двигатель, но понял, что не сможет тронуться с места, пока снова не взглянет на фотографию и не увидит, что нового скажут ему зеленые глаза. Вытащил снимок. Яркий солнечный свет ничего не изменил в восприятии картинки, но теперь, сидя в одиночестве и не слыша

восторженных причитаний Виктора, он смог, наконец, разглядеть и вторую девушку. Вернее, он видел ее и раньше, но тогда они обе, как бы сливались в единое целое, и глаза их выражали одну совокупную точку зрения. Теперь они разделились. Русоволосая отступила в невидимую тень, окончательно растворяясь в окружающем пространстве. Ее эмоции потускнели, стали более скрытыми и приглушенными, глаза уже не смеялись и не манили так откровенно, зато взгляд второй, темноволосой, вроде, окреп, став требовательным. Вадиму показалось, что он наполнен каким-то дьявольским туманом – не хватало только запаха серы... Правда, нельзя сказать, что она подавляла русоволосую – она просто стала солировать в дуэте, но второй голос оставался не менее прекрасным, и без него полной гармонии не могло быть.

Вадим впился глазами в русоволосую – она казалась ему ближе. Именно, она выражала то желание, которое почувствовал он в кабинете несколько минут назад, а брюнетке, наверное, принадлежал язвительный смех, так смутивший его.

Сейчас желание в зеленых глазах угасло. Появилась томная нега, словно она отдыхала, а ее партнерша превратилась в ревностную защитницу и покровительницу. Вадим подумал, что тоже смог бы стать ей защитой, если б только удалось отыскать ее среди всей огромной людской массы. Он поднял голову на плавно перемещавшийся людской поток. Нет, никто из них никогда не видел этих глаз, иначе б они

не спешили так безразлично по своим пустым, мелким делишкам. Оставался только один человек, который имел хотя бы косвенные отношения к тайне, и к которому Вадим мог обратиться. Достав телефон, он отыскал нужный номер.

– Привет, Слав. Это Вадим... Да, уже соскучился. Ты где находишься? На работе?.. И много у тебя дел?.. Да, есть проблемы... Не знаю, серьезные или нет, но надо поговорить... Хорошо... я знаю, где это, – он бросил аппарат на сиденье, рядом с фотографией, и дал задний ход, встраиваясь в поток.

Фотография лежала картинкой вниз, но, тем не менее, Вадим постоянно косил на нее взгляд, словно ожидая, что изображение должно проявиться и на другой стороне. ...*Нет, так вести машину невозможно...* – он спрятал фото в бардачок. Сразу на душе стало спокойнее, и появилась возможность сосредоточиться на дороге. Еще Вадим вспомнил, куда собирался изначально. ...*Да черт с ними, пусть разгильдяйствуют!.. Тут появились дела поважнее!..* Маршрут был изменен с такой легкостью, что он сам удивился – такого с ним еще не случалось.

У Славы Вадим никогда не был, поэтому, поплутав по темным лестницам, с трудом нашел кабинет с табличкой «Приемная». Контраст между грязными коридорами обанкротившегося завода и апартаментами нового русского предпринимателя оказался настолько разительным, что Вадим удивленно замер – в его конторе не было, ни таких блестящих потолков с точечными светильниками, ни дорогой ме-

бели, ни шикарных обоев, а, главное, там не было строгой секретарши в огромных очках.

– Как вас представить и по какому вопросу? – отчеканила она дежурную фразу.

– Вадим Николаевич. А по какому вопросу?.. – Вадима так и подмывало сказать: – Вот, тупо попить пивка!.. Но порядок, есть порядок, поэтому он объяснил, хоть и туманно, но достаточно корректно, – Вячеслав Иванович в курсе.

Секретарша попросила подождать, и Вадим опустился на стул, разглядывая большой календарь с видом какого-то европейского города, где на домах красными кружками были помечены варианты пластиковых окон.

Минут через пять из кабинета вышли люди, продолжая что-то обсуждать на ходу.

– Заходите, – милостиво разрешила секретарша

Славу Вадим сначала даже не признал – в рубашке с галстуком тот восседал за огромным столом на фоне странного ассиметричного здания, фасад которого состоял из больших затемненных стекол. На столе стояло два телефона, письменный прибор с букетом разноцветных ручек, рядом лежала толстая пачка документов с аккуратно приколотыми к ним конвертами. Даже не верилось, что вчера этот самый человек скакал по берегу и пил водку в семь утра.

– Круто, – Вадим одобрительно кивнул.

– Стараемся, – встав, Слава протянул руку.

– Ты ж собирался сегодня отдохнуть, – Вадим присел

в кресло и достал сигарету.

– Это только так называется. Дома-то, чего делать? Решил, вот, заглянуть, а тут, сам знаешь – стоит появиться, проблемы сыплются сами собой. У тебя-то что случилось?

– Лучше скажи, ты уже решил все проблемы? – Вадим подумал, что обстановка не располагает к предстоящему разговору, тем более, и фотографию он оставил в машине, – может, отъедем? Тут весьма интересные вещи происходят.

– Если интересные, давай отъедем, – выключив вентилятор, бесцельно гонявший пышущий жаром воздух, Слава вышел в приемную, – у меня переговоры. Сегодня я не вернусь, – небрежно бросил он секретарше и пошел к выходу.

Они молча, словно интригуя друг друга, доехали до ближайшего ярко-красного шатра и уселись за такой же красный столик, ожидая официантку.

– И что?.. – наконец спросил Слава, подперев кулаком подбородок, – я слушаю.

– Помнишь фотоаппарат, который я нашел? Так вот, там оказался один отснятый кадр...

– ...и на нем обезглавленный труп, – закончил Слава.

– Если б труп, все проще – для этого есть менты.

– А что же там? – Слава улыбнулся так, как улыбаются взрослые, глядя на играющего малыша. Вадим понял, что не стоит даже пытаться описать словами то, что было на снимке, поэтому молча положил его на стол, и увидел, как улыбка сползает со Славиного лица, а глаза округляются со-

всем так же, как у него самого в кабинете Виктора.

– Понял, да?.. – победно воскликнул Вадим, – ты посмотри в их глаза! Я никогда в жизни...

– На фиг, глаза! Я знаю эту, светлую!.. – перебил Слава, – или, по крайней мере, ее сестру...

– Знаешь?.. – отодвинув нетронутый бокал, Вадим встал, – так едем! Говори, куда!..

– Мы не можем поехать к ней. Она, типа, мертвая, и, скорее всего, уже давно.

Вадим снова сел, и несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Я ничего не понимаю, – наконец признался Вадим.

– Я тоже. Я говорил тебе про кладбище на хуторе? Так вот, ее зовут Настя Чугайнова. Конечно, я не видел ее обнаженной, и лицо у нее, естественно, не такое счастливое...

– А оно счастливое?..

– А ты разве не заметил? – Слава повернул фотографию.

Глаза русоволосой, действительно, искрились. Это было совершенно новое выражение, и акцент полностью сместился на нее, а брюнетка затерялась, смешавшись с фоном.

– Так вот, – Слава вновь взял фотографию, – они с той Настей похожи до ужаса.

– А вторую ты не знаешь?

– Нет. Возможно, это ее подруга, которая, например лежит в соседней могиле, без портрета.

– Мы должны их найти! – Вадим явно не оценил юмор.

– Давай, – Слава пожал плечами, – я не против таких девочек. Но как?..

– Подумать надо.

Слава положил фотографию, и Вадим увидел, что счастливое выражение с лица русоволосой пропало, вроде, она тоже думала, чем им помочь.

– Ну, во-первых, – Слава все-таки отхлебнул пива, – Чугайновы – фамилия редкая... хотя, возможно, они все давно повыходили замуж, и от фамилии ничего не осталось... Тогда другой вариант – если они приезжали на хутор... Дайка, – он поднес снимок к глазам, – а они приезжали! Эта береза находится, примерно там, где я свернул столб – я помню это место. Значит...

– Значит, их мог видеть кто-нибудь еще!

– Да. Например, Игорь, который проводит там практически все выходные.

– Я как-то забыл о нем...

– Слушай, – Слава отвлекся от основной мысли, – честно говоря, я с детства не играл в Шерлока Холмса. Оно даже забавно, но нужно ли это нам? Я понимаю, что девочки классные, без комплексов, раз могут раздеться как угодно, но на такие игры требуется время, которого лично у меня не слишком много...

– Тут есть нюанс, – Вадим рассказал о беседе с фотографом.

– Это меняет дело, – Слава снова отхлебнул пива, – к про-

фессионалам надо прислушиваться. Конечно, приятнее быть продюсером фотомоделей, чем клепать окна или торговать пилюлями. Ты в компаньоны-то меня возьмешь?

– Дурацкий вопрос!.. Но для этого их надо сначала найти.

– Надо найти... – Слава прищурился, глядя на проходивших мимо людей.

– Знаешь, – Вадим решил подтолкнуть его в нужном направлении, – я думаю, надо еще раз съездить туда. Во-первых, порасспросить народ в этой, как ее... Дремайловке – кто жил на хуторе? Куда делись? Есть ли родственники? Потом еще раз убедиться, что та Настя действительно похожа на нашу фотографию, а не пригрезилась тебе по пьяни...

– Зачем же так? – обиделся Слава, – памятник я видел абсолютно трезвый.

– ...а в-третьих, надо все-таки войти в дом. Если они, действительно, родственники, то могли заходить туда, искать какой-нибудь, типа, клад, и оставить следы.

– В принципе, логично... – Слава допил пиво и выразительно посмотрел на пустую кружку, – но сегодня мы никуда уже не поедем.

– Давай завтра с утра, а сегодня...

– В тебе проснулся частный детектив? – засмеялся Слава, – знаешь, не уверен, что все будет гладко с модельным бизнесом, но мне самому становится дико интересно – хоть какое-то разнообразие, кроме работы, дома, девок и пьянок.

– А у меня что-то другое, – Вадим задумался, – мне ка-

жется, она разговаривает со мной глазами, и их выражение меняется в зависимости от того, что она хочет...

– Вадик, а это от лукавого, – Слава погрозил пальцем, – даже если ты скажешь, что влюбился и готов ради нее послать Алку куда подальше, я и то, поверю охотнее.

– Или у меня оптический обман.

– Вот это похоже на правду и закроем этот вопрос. Остальное остается в силе. Исходя из этого...

– ...можно поискать Чугайновых через справку или в Интернете.

– Можно, – Слава кивнул, – но сначала я бы нашел Игоря. Жаль, что стер его телефон после того, как Юлька ему звонила. Теперь придется ее искать, а для этого надо найти, либо Аньку, либо Катюху. Катюху мы сегодня не найдем, потому что по понедельникам в «Бегемоте» нет программы – она мне вчера сама сказала, а других ее координат я не знаю.

– Аню найти элементарно – она ж оставила телефон своего борделя. Закажем ее, только не домой, естественно...

– Логично. Отдохнем на их хате. Не думаю, что нас там грохнут, хотя от таких девочек всего можно ожидать...

– Поедем сначала в адресное бюро, – Вадим поднялся, оставив на столике сотню.

– Гуляй, рванина? – усмехнулся Слава, забирая купюру, – ты еще не продюсер фотомодели, – он отсчитал ровно шестьдесят четыре рубля и задвинул под пепельницу, – не заслужили – пиво у них теплое.

В адресном бюро им выдали пять Чугайновых, три из которых жили в районах области, а двое – в городе.

– На Репьевку, Панино и Бобров наши девочки не тянут.

Вадим вспомнил недавний экскурс по русской эротике и кивнул.

– Значит, остановимся на городе, – продолжал Слава, – Чугайнов Семен Маркович – подумайте, какое интересное сочетание! 1939 года рождения, улица Никитинская – так это совсем рядом! Чугайнова Валентина Юрьевна, 1960 года рождения, улица Хользунова – тоже понятно. Давай заглянем к Семену Марковичу, раз уж мы тут недалеко?

– И что мы ему скажем?

– Не знаю пока, но человека надо заинтересовать. Без личной выгоды никто ни на какие вопросы отвечать не будет.

– Заинтересовать... Это, по-моему, только в дешевых американских фильмах бармену кладут на стойку десять баксов, и он выкладывает подноготную всех своих клиентов. Русский мужик не таков.

– Да, ему надо литр, а не десять баксов.

– Но Семен Маркович, может быть, мужик и не русский...

– Я, вот, еще придумал, – отвлекаясь от темы, сказал Вадим, – можно в газету дать объявление о находке фотоаппарата.

– Можно. Тоже вариант. Вот и позвони вечером в службу бесплатных объявлений. А, насчет Семена Марковича?..

Они уже вышли на Никитинскую, и пройти им оставалось всего три дома, но достойной мысли так и не появилось.

– Черт, – Слава усмехнулся, – в детективах как-то всегда все очень ловко получается.

– Так там автор думает за обоих, а здесь – каждый за себя.

Они остановились, глядя на серые стены пятиэтажки, за которыми в одной из квартир проживал Чугайнов С. М.

– Идем? – спросил Вадим.

– Я думаю, не стоит пороть горячку. Надо все-таки придумать какой-то ход. Сорок лет мы жили без этих девочек, и еще денек-другой проживем. Согласен?

– А что будем делать сейчас?

– Тебе нейдет? Позвони Аньке и узнаем телефон Игоря. Заодно, может быть, потрахнешься, – Слава хитро улыбнулся.

Вадим представил, что ему придется лечь с ней в постель, и ни один мускул не только не шевельнулся, возникло даже чувство брезгливости и неприязни, но он промолчал, чтоб не вызывать на себя поток Славкиных шуток. Достал телефон и бумажку с номером, так и оставшуюся в кармане.

– «Досуг день и ночь». Рады вас слышать, – ответил приветливый голос, – чем можем помочь?

– Не могли бы вы скрасить наше одиночество?

– Безусловно. Вам двух девочек?

– Естественно. Что мы, извращенцы? – обиделся Вадим.

– У нас тут разные встречаются, – хихикнул голос, – каких девочек предпочитаете?

– Одну должны звать Анжела, но ее у вас наверняка нет...

– У нас есть Анжела! – перебил голос.

– Она должна быть худенькая, с маленькой грудью – мой друг любит таких, а от этого имени он просто тащится.

Слава погрозил кулаком, а Вадим прикрыл ладонью рот, чтоб не рассмеяться.

– Ой, знаете! – радостно воскликнул голос, – у нас есть такая девушка, как вам нужна!..

– Прекрасно. А вторая, – Вадим задумался. Слава, ухмыляясь, обрисовал огромную грудь, огромные бедра и для пущей наглядности надул щеки, – вторая... – продолжал Вадим, – должна быть... неважно, как ее зовут. Я не так помешан на именах, как мой приятель, но... у нее должны быть длинные волосы, – выдал он первое, что пришло на ум.

– Это совсем без проблем. Вам доставить девочек или воспользуетесь нашими номерами?

– Лучше вашими.

– Чудесно. Четыреста рублей в час с человека, устроит?

– Вполне.

– Запомните адрес...

– Поехали в вертеп? – Вадим спрятал трубку.

– Поехали. Слушай, никогда не был в публичных домах.

Даже интересно.

– Я тоже не был, но надо же начинать вкушать плоды свободы и демократии. Поедем на такси?

– А на чем же? Пьяным я за руль не сажусь, а как без бутылки с таким контингентом общаться?.. Лично у меня фантазии не хватит.

*

«Номера» находились на третьем этаже обычной «хрущевки», за облезлой зеленой дверью. Открыл им охранник в камуфляже с суровым лицом и дубинкой на поясе. Тут же появилась потасканная тетка в джинсах с ярким макияжем, делавшим ее какой-то старой и нелепой.

– Мы к Анжеле, – таинственно произнес Вадим.

– Анжела и Шарлота вас ждут. Только деньги вперед.

– Куда ж мы отсюда денемся? – Вадим усмехнулся, но полез за бумажником.

«Мамка» пересчитала купюры и спрятав в карман, повела гостей мимо кухни, где парень в майке аппетитно ел борщ.

– У вас еще и кормят? – пошутил Слава.

– Это наш водитель. Должен же быть у человека обеденный перерыв? – не оборачиваясь, пояснила «мамка».

Следующая комната оказалась закрыта, но оттуда доносились приглушенные женские голоса.

– Вам сюда, – «мамка» открыла другую дверь, – подождите.

Интерьер напоминал декорации с фотографий, которые показывал Виктор – обои, вытертые над изголовьем огромного дивана, мохнатое покрывало, трельяж, стол, два стула и светильник с розовым абажуром, который должен, видимо, обеспечивать интим.

– Мы будем все вместе на этом сексодроме? – Вадим удивленно повернулся к Славе.

– А что? Зато меняться удобно.

«Мамка» вошла, не стучась, поставила на стол бутылку водки и четыре стакана.

– Закуска нужна или так? У нас выпивка входит в стоимость, а закуска отдельно.

– И почему у вас фрукты? – ехидно спросил Слава – его безумно веселила вся эта ситуация.

– Двести рублей блюдо, – ответила «мамка» серьезно.

– Давай блюдо! – он по-купчески махнул рукой, – гулять, так гулять!

«Блюдо», оказавшееся обычной глубокой тарелкой, появилось незамедлительно.

– Два апельсина и три яблока за двести рублей – это хороший бизнес, – Вадим закурил, присаживаясь на диван, – интересно, презервативы здесь полагаются или свои надо носить?

– Сейчас узнаем, – Слава открыл бутылку, – паленая, блин – спиртягой воняет. Будешь?

– Не отравят?

– Анька придет, спросим.

Но первой появилась Шарлота. На вид ей было лет двадцать пять – самый цветущий возраст, только «цветок» этот вырос явно не на клумбе. Глупая улыбка никак не скрашивала грубоватые черты, а плохо промытые волосы и вовсе отбивали любые желания, но зато они, действительно, были длинными, так что придраться не к чему – заказ выполнен в точности. Аня вошла следом, опустив голову, как провинившаяся школьница.

– Ба, знакомые все лица!.. – засмеялся Слава.

– Вы?.. – Аня замерла, – ну, зачем?.. – голос ее звучал так жалобно, что Вадим удивился – вчера-то она выглядела более уверенно. Анина же напарница переводила удивленный взгляд с одного клиента на другого, не зная, как вести себя, если здесь уже существовали какие-то свои отношения.

– Садись, – Слава придвинул ей стул, – тебя как зовут?

– Шарлота.

– Ладно заливать-то! А то была у нас тут Анжела, а теперь, вот, стала Аня. Нормальное русское имя, так ведь?

– Наташа... – Шарлота покраснела.

– Во, другое дело. Пить, Наташа, будешь?

– Буду.

– Не отравлено? – Вадим кивнул в сторону бутылки.

– У нас этим не занимаются, – Аня покачала головой.

– Тогда, девчонки, – Слава разлил водку, – за вас!

После того, как все выпили, Вадим увлек Аню к окну.

– Слушай, – он обнял ее за плечи, – не знаешь, Игорь нашелся или нет? – от такого неожиданного вопроса девушка даже отпрянула, но Вадим держал ее крепко, – ты знаешь его телефон или какие-нибудь Юлины координаты?

– Без понятия. Но она с Катькой все время тусуется в «Бегемоте». Ты за этим пришел? – голос ее сделался обиженным.

– Естественно, нет... – конечно, он пришел за этим, но произнести вслух почему-то язык не поворачивался. Вадим задумчиво уставился на поникшие от жары тополя.

Аня подождала минуту, потом сама взяла его руку и положила на свою грудь, словно уча, что надо делать дальше, тем более, Слава с Наташей уже барахтались под простыней, смеясь и что-то горячо шепча друг другу.

– Ань, я час оплатил, но мне не нравится здесь. Давай не будем... кстати, за вчерашний день... – Вадим достал бумажник, но девушка поспешно закрыла его ладонь и оглянулась.

– Не сейчас. Наташка обязательно «мамке» стукнет, и та накажет меня за то, что беру мимо кассы. В другой раз.

Пряча бумажник, Вадим подумал, что другого раза, скорее всего, не будет. Говорить было не о чем, и он закурил, ожидая, пока Наташа отработает свои деньги. Освободившись от совсем не жарких объятий Аня последовала его примеру; оперлась локтями о подоконник, расставила ноги, но и эта поза не заинтересовала Вадима.

Покинули «номера» они за двадцать минут до конца оплаченного часа и оказавшись на улице, почувствовали, что дышать стало свободнее – вроде, отваливалось с них что-то грязное и липкое.

– Никогда больше не пойду к нашим проституткам!

– Почему? – Вадим наивно вскинул брови.

– Потому что никакие они не проститутки, а бабы, которым нечем кормить детей – они пропахали всю жизнь, а теперь оказались никому не нужны. Наташа эта, например, хлебопек пятого разряда – какое тут, на хрен, искусство любви?.. Она умеет только, как муж научил – лечь на спину и раздвинуть нижние конечности, а в глазах щелкает, что она сможет купить на заработанные честным трудом бабки.

– А девочки с фотографии владеют «искусством любви», как думаешь?

– Однозначно! – Слава мечтательно вздохнул, и вдруг взял Вадима за руку, – ты не расстраивайся, мы найдем их – хотя бы для того, чтоб убедиться в этом.

*

Домой Вадим попал к вечеру. Расставшись со Славой, он все-таки заставил себя поехать в офис, ведь на завтра планировалась поездка в Дремайловку, и чем там все закончится и, главное, когда, никому не известно.

...Зачем я во все это лезу? – подумал он, выйдя на бал-

кон, – какой из меня продюсер?.. А никакой! И не собираюсь я им быть – я ж знаю прекрасно!.. Это так, отмастка, чтоб не выглядеть полным идиотом... Бросив недокуренную сигарету, он вернулся в комнату, решив, что не стоит издеваться над собой, оттягивая самое долгожданное мгновение, и достал фотографию. Умом казалось, что он уже изучил каждый изгиб, каждый сантиметр ее тела, поэтому и смотреть-то на нее больше незачем, но взгляд снова слился с взглядом русоволосой, будто образуя жесткую конструкцию, и это становилось необходимостью, естественной потребностью – как дыхание.

Вадим накрыл фотографию рукой, прерывая связь, и задумался. Он всегда абсолютно равнодушно, даже с некоторой иронией, взирал на обложки порножурналов, выставленные в киосках, но то были не женщины, а, именно, модели, сделанные чьей-то умелой рукой. Аналогично складывались отношения со всевозможными стриптизами, которые воспринимались просто как тяжелая женская работа – только одни в оранжевых жилетах укладывают шпалы, а другие натирают мозоли у шеста; фотография же доводила его до безумия – он забыл не только Аллу, но и перестал адекватно воспринимать работу... да весь окружающий мир! Оставалось одно желание – найти!..

...А, может, пусть все остается, как есть?.. Сколько раз ведь бывало – стоит такая хорошенькая, а откроет рот, да ляпнет что-нибудь, и все!.. Вдруг и эта из той же серии?..

Тем не менее, Вадим сам не представлял, что она должна сказать и каким корявым языком, чтоб это оттолкнуло его.

Приподнял ладонь – со снимка смотрела сама невинность, и даже обнаженность, выглядела застенчивой, вроде, одежду у девушки украли, и обнажилась она непроизвольно, без всяких порочных мыслей и желаний.

...Нет, мне абсолютно без разницы, что она из себя представляет!.. Поэтому завтра мы едем в Дремайловку, потом на хутор, вечером идем в «Бегемот» искать Юлю... Оставалось еще раскрутить, блин, этих двух Чугайновых, только, вот, как?..

Вадим убрал фотографию, что позволило ему заняться обычными вечерними делами, состоявшими из ужина и просмотра новостей. Лишь перед тем, как окончательно потушить свет, он не утерпел, и снова взглянув на фотографию, понял, что уже совсем не обращает внимания на тело. Да, оно красиво и эротично, но в нем нет ничего необычного, и смотреть на него слишком часто неинтересно – теперь он видел только глаза, живые, передающие какие-то неведомые ему чувства. В данный момент, например, они стали такими печальными, что у Вадима самого чуть не навернулись слезы, хотя когда плакал в последний раз, он и припомнить-то не мог. *...Впрочем, все, что происходит, начиная с сегодняшнего утра, совершенно противоестественно и никак не укладывается в правила моей прежней жизни. Но все равно надо спать...* Он потушил свет, и зеленые глаза мгновенно пере-

ползли с фотографии на стену, заметно увеличившись в размерах. Это не мог быть сон, потому что он все еще продолжал стоять, держа руку на выключателе.

...*Остаточная зрительная память*, – объяснил Вадим, придумав новый медицинский термин; лег, повернувшись на бок, но глаза излучали матовый свет, тускло освещавший пустоту – они уже вышли за пределы стены, теряя очертания, превращаясь в бескрайнее зеленоватое пространство, и Вадим готов был навсегда исчезнуть в этой оливковой бездне. Резко поднял веки, и видение пропало, оставив лишь темную комнату.

– Фу, черт, – Вадим перевел дыхание, перевернулся на спину и уставился в невидимый потолок. Было совсем не страшно, только возникало необъяснимое ощущение собственной малости перед чем-то огромным и непонятным.

Он встал, снова включил свет и беря сигарету, произвольно взглянул на фотографию. Глаза русоволосой отливали тем же оливковым цветом, который он только что наблюдал на стене – девушка улыбалась.

– Слушай, подруга, – Вадим обратился к фотографии, – не знаю, как тебя зовут, но дай мне спокойно заснуть, а то завтра вставать рано; сама знаешь, поедем на твой хутор.

Докурив, он выключил свет, и, действительно, уснул почти сразу; правда, ночью много раз просыпался от снов, которые тут же улетучивались из памяти, оставляя необъяснимое смятение, наполнявшее сознание тревогой.

Окончательно разбудил Вадима настойчивый звонок в дверь. Он потянулся, недоумевая, кого могло принести в такую рань, но потом вспомнил. Не хотелось не только никуда ехать, но даже просто вставать, однако звонок продолжал надрываться, и Вадим поплелся к двери; по ходу взглянул на фотографию, но даже не сообразил, каким взглядом ответила ему русоволосая.

– Сейчас, блин... – он зевнул, впуская веселого, бодрого Славу, – морду только протру и оденусь... чего-то не выспался...

– Сейчас выспишься – тебе ж не рулить, – Слава засмеялся.

«Протираание морды» особого результата не дало, и когда оба уселись в джип, и тот выкатился на еще пустую улицу, Вадим снова закрыл глаза.

Во второй раз разбудило его солнце, высоко висевшее над золотыми полями.

– Поднять подняли, а разбудить забыли? – Слава сочувственно посмотрел на приятеля.

– Типа, того, – Вадим сунул в рот сигарету, чтоб окончательно прийти в себя, – далеко еще? – он растерянно смотрел по сторонам, собирая раскатившиеся мысли.

– До Дремайловки километров двадцать. Давай сначала там пообщаемся с народом. Слушай, а фотограф твой не врет?

– В смысле?..

– Да я на свежую голову раскинул мозгами – на свете ведь куча не менее красивых девок, и конкуренция среди них не меньше, чем у нас в окнах. Если, конечно, он на сто процентов гарантирует крутой бизнес...

– А зачем тогда приехал, меня поднял ни свет ни заря? Мог бы позвонить и сказать – все на фиг, по причине нецелесообразности и полной глупости.

– Мог бы. Но все-таки какое-то у меня двойное состояние – вроде, и хочется, и колется; типа, и самому смешно, и не делать не могу – сразу возникают мысли об упущенных возможностях...

– Ну да, типа, рулетка закрутилась, шарик запрыгал, и остановиться уже не можешь, хотя знаешь – все равно наеб... т.

– Есть другой вариант – чего-то хочу, а кого, не знаю. Блин, сороколетние мужики занимаются херней!.. Это, брат, называется, скука, – резюмировал Слава.

За поворотом показалися дома и сбросив скорость, джип подкатил к магазину, где позавчера они покупали минералку.

– Ну и?.. – Слава заглушил двигатель.

– Пошел на разведку, – Вадим вылез из машины, а Слава закурил, наблюдая за бредшими мимо загорелыми мужиками с косами на плечах; потом из калитки появилась женщина.

– Валька! – крикнула она звонко, – ты за молоком-то

идешь?

– Иду! – из противоположного дома послышался перезвон стеклянных банок.

...И никакой телефон не нужен... – Слава усмехнулся.

Минут через десять вернулся Вадим и ловко запрыгнул на сиденье, обрывая Славины идиллические мысли.

– Значит, докладываю. Продавщица Оля – лет тридцати, местная. В детстве слышала от бабки, что хутор – место нехорошее. Они даже детьми играть туда не ходили, и заброшен он столько, сколько она себя помнит.

– А на вид более-менее свежий... ну, не тридцать лет, точно.

– Да за тридцать лет жердины, которые мы жгли, должны превратиться в труху, а лес давно б забил весь участок! У друга дача, так ею всего пять лет никто не занимался – мы как-то приехали, там деревья, во!.. В руку.

– Сосны не дают поросли.

– Ну, хрен с ними. Короче, фамилия Чугайновы ей ни о чем не говорит. Нет в деревне людей с такой фамилией, и на ее памяти не было. Узнать, что и как тут было раньше, можно у Анны Никифоровны, которой девяносто лет, но она сама еще копается в огороде. Живет в шестом доме от магазина вместе с шестидесятилетним сыном, который алкаш. Когда-то он убил свою невесту, отсидел срок и вернулся. Сейчас пьет, но мухи не обидит. Вот такая информация.

– Нормальная информация, – Слава завел двигатель, – по-

ехали к Анне Никифоровне.

Джип медленно пополз вперед, и Вадим вслух считал дома. Около шестого они остановились. От улицы его отделял когда-то синий, а теперь неопределенного цвета, штакетник; за ним виднелось несколько яблонь и домик с маленькими окнами, но чистенький и ухоженный; еще оттуда доносилось кряканье уток.

– Не так уж плохо для девяноста лет и сына-алкаша, – констатировал Слава, вылезая из машины.

Распахнув незапертую калитку, они подошли к дому. На пороге стояло две пары калош, исчезнувших с прилавков магазинов лет сорок назад, и таз, из которого воняло гнилыми овощами. Вадим осторожно постучал, но никто не ответил, и он приоткрыл дверь. Изнутри пахло специфическим кисловатым духом, присущим только деревенским избам (он помнил его со времен институтских «колхозов»).

– Анна Никифоровна! Вы дома?..

– Кто там? – слышался старческий голос, – проходите!

Миновав сени, гости оказались в комнате, где на диване сидела сухонькая старушка с ввалившимися щеками. Увидев незнакомых, одетых по-городскому мужчин, она быстро перекрестилась и спросила испуганно:

– Вы кто? Чего вам надо?

– Успокойтесь, – Слава, оказавшийся чуть впереди, улыбнулся, – мы хотим поговорить с вами, порасспросить...

– О чем же это? – хозяйка подозрительно прищурилась, –

скотины у меня нет. Тут уже приезжали коровенок скупать. (Вадим со Славой переглянулись – значит, бизнес добрался и до этой глуши). Утей могу продать – у меня их с полсотни...

– Мы ничего не покупаем, – мягко перебил Вадим.

– Частушки, что ли собираете?.. И такие тоже приезжали.

Но вы-то для студентов староваты...

– Можно мы пройдем?

– Проходите, коли зашли, – поведение гостей не внушало опасений, и хозяйка успокоилась.

– Анна Никифоровна... – Вадим выдвинул один из двух имевшихся стульев на середину комнаты, и сел. «Легенду» они не разработали, поэтому приходилось импровизировать по ходу дела, – места у вас красивые.

– Красивые, – согласилась хозяйка, – и что? Домик решили прикупить? Думаете, если мне восемьдесят восемь лет, то не соображаю ничего, и меня можно запросто выгнать? Нет, ребяташки, ступайте своей дорогой.

– Ну, что вы, Анна Никифоровна, – Вадим улыбнулся, – мы не о вашем доме.

– А о чем? – хозяйка явно заинтересовалась, – тут Тимофевну сын к себе зовет. Она продаст.

Слава понял, что хозяйка сама подсказала прекрасную тему.

– Деревня от реки далековато, – сказал он, – а мы, вот, видели прямо на берегу сруб в весьма приличном состоянии,

только крыша рухнула. Чей он?

– Чугайновский хутор, что ли?.. Вот это, ребяташки, вы думали! Избави вас бог!.. Там никто жить не отважится.

– Почему? Место хорошее. Если подремонтировать, да облагородить, получится, типа, турбаза «Деревенская изба». Чтоб, значит, и за водой сходить, и дрова самому наколоть – знаете, городские сейчас настолько изнеженные, что их тянет к подобной экзотике, – Славе самому понравилась идея, поэтому говорил он увлеченно и убедительно.

– Бросьте вы эту затею, – хозяйка насупила брови, – дурное это место. Гиблое.

– Почему?.. Может, предание какое существует? Так вы расскажите, это ж еще интереснее – сейчас ведь фольклор в моде. В Англии, к примеру, замок с привидениями в три раза дороже стоит, чем без привидений.

– Насчет, привидений, не знаю – врать не буду... – хозяйка задумалась, – только больно много жизней попортил тот хутор.

– Расскажите – может, мы и передумаем.

– Лучше б передумали... Значит, построил тот хутор человек по фамилии Чугайнов. Давно это было. Я только родилась еще. Говорили, будто из купцов он. Только мне кажется, никакой он был не купец, а тать самый настоящий.

– Кто? – не понял Слава.

– Тать. Ну, разбойник, что ли. На дороге промышлял. Раньше-то через наше село езжий тракт проходил, потому

как мост был рядом. В гражданскую белые сожгли его, а новый большевики ближе к райцентру построили, и захирело село. А в старые времена много люду здесь ездило. Так вот, у Чугайного того всегда откуда-то и товар брался, и подводы с лошадьми. Не знаю, но тать он был, и все тут. Полиция сколько раз к нему приезжала, а ему хоть бы что. По двору их поводит, сараи, да амбары пооткрывает, ничего они не найдут из того, что искали, и уезжают до другого раза.

Был у него сын, подельник евоный, и дочь. Девка статная; черноволосая, черноглазая, прям, цыганка. Хотя и было в кого – они с женой сами такие же были.

Богатства они много нажили – не знаю уж, правдами или неправдами, а однажды принес тать из лесу дитя, малое совсем. Девочку. Отца ее с матерью потом зарубленными нашли и обобранными до нитки. Думаю, пожалел он дитя, а, можа, кара божья ему в таком виде явилась. Только когда полиция в очередной раз наехала и хотела дитя-то забрать, начал этот «червячок» орать до посинения, как у татя с рук ее забирали. Плюнули полицейские и оставили девку ему, потому что имен тех зарубленных, никто не знал, и прав на нее никто не заявил. Дал он ей свою фамилия и назвал дочерью, хотя была она светловолосая, а глазищ таких в наших краях отродясь ни у кого не было – у наших они, вроде, круглые, а тут... прям, татарка какая, только зеленючие, как тина болотная.

Слава многозначительно глянул на Вадима, но промол-

чал.

– ...Девку Настей назвали. Росла она, росла, и странное вокруг стало твориться. Хозяйством-то тать никогда не занимался, а тут, как все начало у него расти! К примеру, помню, засуха случилась – у всех недород, скотина падает с голоду, а у него полные амбары. Корова – как отел, так два теленка. Куры плодятся неслучайно, и хоть бы один цыплок захудалый сдох. Тать не на радуется – даже в лес стал реже ходить. А, вот, жена его... Дунька, кажется – не помню уже. Ну, пусть Дунька будет. Она, вот, невзлюбила падчерицу за то, что та в церковь не ходила. Никто даже не знал, крещеная Настька али нет, но когда принес ее тать, креста, говорят, на ней не было.

По всякому Дунька пыталась в церковь ее зазвать – и упрашивала, и подарки дарила разные, и в сарае с крысами запирала, а иной раз не выдержит, привяжет к дереву и давай вожжами полосовать; орала, конечно, Настька жутко, но в церковь так и не шла.

Однажды тать надолго уехал, и подговорила Дунька старшего сына, Ваську, чтоб тот с ней вместе силой Настьку к батюшке повел – так ей надо было душу свою успокоить. Она, вообще, женщина сильно верующая была; даром, что внешность цыганистая.

Так вот, зимой все случилось – в аккурат перед тем воскресеньем, как они с Васькой-то сговорились дело свое сделать; пошла Дунька на реку, да и провалилась под лед. И лю-

ди все видели, и течение у нас, вроде, слабое, а унесло ее к другому берегу. Так и не спасли. А Ваську по весне лошадь лягнула, и сразу насмерть. Осталась от Дуньки еще дочь, так она осенью, то ли от ангины, то ли не помню уж от чего, но тоже померла.

А по селу слухи давно уж ползли, что Настька – ведьма. И тать стал, вроде, тоже прислушиваться к молве, но вишь, как получается: и креста на ней нет, и полсемьи вымерло – все, кто не любил ее, но доподлинно-то ничего не известно – никто ж не видел, чтоб она колдовство какое творила. К тому же, как с ее приходом началось у них изобилие, так оно и продолжалось, а для татя это не маловажно было, потому как шибко любил он богатство... Настька к тому времени подросла – лет пятнадцать ей стукнуло; все девки на парней начинают заглядываться, а она больше по лесам, да по полям гоняла, и однажды сгинула вовсе...

– Как сгинула?

– А кто ж знает, как? Ушла и не вернулась. Может, пришиб кто; может, в город подалась, не спросясь; а, может, в болоте утопла. Тут километров пять вниз по реке заливчик когда-то был. Потом его заболотило, и получилось, что река сама по себе течет, а к ней болото примыкает. Чертова гать, называлось. Хотя гати-то там никакой и в помине не было. Никто не знает, куда Настька делась, только затосковал тать Чугайнов, причем, пуще по ней тосковал, чем по родным детям. Даже соорудил могилу возле дома. Только в могиле той ни-

кого нет – один камень стоит с портретиком. И много слез он на той шутовской могиле пролил, и дом тот завещал ей. Сказывал, будет стоять он невредим, пока Настька в него не вернется; пить стал крепко, а перед самой революцией и помер. Схоронили его по письменному завещанию там же, рядом, а дом остался. Хотели наши мужики поживиться там бревнами – дом-то справный был, да только никому не удалось. Все, кто ходил туда, либо померли вскоре, либо калеченными остались, либо умом тронулись.

Павлик-то мой... Небось слышали, что он невесту свою жизни лишил? Так, потому это, что они любовь свою там крутили – вроде, и крыша над головой, и глаз посторонних нету. Уж больно я ту вертихвостку не любила, вот и накликала беду. Можя, согласись я, чтоб поженились, так все б по-другому и сложилось. А так, помутился у него рассудок однажды, и зашиб он ее до смерти – за что, про что, он сам до сих пор понятия не имеет. А дом тот и стоит с тех пор ничейный...

– Как «ничейный»? В нашей стране «ничейного» не бывает.

– Значит, бес его хозяин или дух какой, или сам тать его из могилы охраняет...

– Но земля ведь принадлежит кому-то? – допытывался Слава, войдя в роль покупателя, – колхоз, там, или сельсовет...

– Сельсовет, наверное, – Анна Никифоровна пожала пле-

чами, – только, ребятки, зряшнее дело вы затеяли.

– Спасибо за совет, Анна Никифоровна, – вступил Вадим, видя, что Слава собирается и дальше выяснять собственника земли, – может, вы и правы, если такое дело, но мы ж не знали...

– У нас-то об этом все знают. Вы лучше, вот что, – Анна Никифоровна придвинулась поближе, – вы с Тимофеевной потолкуйте. У нее участок большой – там хороший дом поставить можно, если деньги есть, а до реки-то дойдут, кому надо.

– Спасибо, – Вадим вытащил Славу из комнаты, и уже распахнув двери машины, чтоб ветерок освежил раскаленный салон, спросил, – что ты по этому поводу думаешь?

– Лично мне идея понравилась. Прикинь, какую классную штуку можно там забомбить! От народа отбоя не будет!..

– Я не об этом, – перебил Вадим, – я про Настину историю.

– Ну, история как история, – Слава пренебрежительно пожал плечами, – такие сказки «бабушки Куприянихи» можно услышать в каждой деревне. Только почему-то все чудеса происходили, как минимум, лет сто назад. Никто, блин, ни разу не сказал – вот, мол, вчера у нас случилась такая-то хреновина...

– Но дом-то, действительно, стоит столько лет...

– Лес был хороший – сухой, да смоленный, небось...

– ...а портрет бабка нарисовала, как с фотографии?

– Портрет, да. Но, знаешь, по законам генетики внешность как раз в третьем поколении и проявляется, так что, похоже, твоя девочка – внучка той Насти. Кстати!.. Пока бабка рассказывала свои ужастики, мне пришла идея, как беседовать с Чугайновыми.

– И как?

– Очень просто. Поехали, сейчас объясню, – Слава уселся в машину, – значит, пересказываем им сегодняшнюю байку, делая упор на то, что их, якобы, предок был очень богат, а богатство свое зарыл в гробу приемной дочери, ибо жизнь ему стала не мила. Мы, типа, знаем это доподлинно, но мы ж не «черные копатели», поэтому, чтоб разрыть могилу, хотим получить согласие родственников, и все такое. Как? Ты б клюнул?

– Лично я б не клюнул. Получив информацию, зачем мне сознаваться, что я родственник? Чтоб потом делиться кладом? Лучше самому втихоря рвануть на хутор...

– ... и пусть там копаются – все равно ничего не найдут. Зато нам откроют, будут с нами разговаривать, а мы посмотрим на реакцию. Если не прорежет – мы ж ничего не теряем.

– Ну, это да...

Джип уже катился по берегу. Вокруг по-прежнему было безлюдно; оставшиеся дрова так же лежали ровной кучкой, а под дубом валялась незамеченная никем пустая бутылка. Слава закрыл машину, и даже не искупавшись, они двинулись к срубам, черневшему на фоне неба.

– Я б не сказал, что жилище в подобающем состоянии, – заметил Слава, разглядывая дом, – видать, папа уже перестал ждать блудную дочь.

Они прошли дыры в заборе (примятая трава за прошедший день поднялась, и новых следов видно не было). Раздвинув ветви, Слава остановился – среди густого подлеска, действительно, стояли два памятника.

– Оцени-ка!

Вадим прищурился, вглядываясь в портрет. За долгие годы он, естественно, выцвел, и волосы девушки едва отличались от серого фона, но овал лица, и, особенно, глаза!.. Это ее глаза!.. Хотя на старой фотографии они не могли быть зелеными, но странное выражение, готовое измениться в любую секунду...

– Жаль, что и здесь нет портрета, да? – Слава подошел ко второму памятнику, – может, узнали б кого из ныне здравствующих мужиков Чугайновых.

– Его уже некому было делать, да и незачем.

– Это да. Короче, ты согласен – на фото ее родственница, – подвел итог Слава, – думаю, нигде та Настя не сгинула, а смоталась в город. Потом революция, и закружило ее – может, даже в комсомол вступила (тем более, раз в бога не верила), начала социализм строить. И зачем ей, спрашивается, связь с отцом, который, во-первых, ей и не отец вовсе, а, во-вторых, по тогдашним меркам, фактически «враг народа». На фига ж карьеру ломать? А теперь, в век свободы и демо-

кратии, ее внучка или правнучка решила вместе с подружкой посетить историческую родину. Логично?

– Логично, – согласился Вадим, – но ты забываешь, что здесь был еще и третий. Ну, тот, кто их фотографировал.

– Значит, было две подружки. Или подружка и друг. И что?

– Ничего, но странный какой-то друг тире подружка. Если б передо мной разделись такие девочки, я б всю пленку отщелкал, а тут всего один снимок.

– Ты хочешь сказать, что фотограф, случайный прохожий?

– Типа, того. Увидел, щелкнул и убегая, потерял аппарат.

– В таком случае, линию фотографа можно просто закрывать – случайного прохожего мы не найдем никогда.

– Да, но, с другой стороны, тогда непонятно, как аппарат оказался под крыльцом. Они что, нашли его и снова выбросили?..

– Они его снова потеряли – на нем же ремешок оборван.

– Ладно, черт с ним, с фотографом, – Слава махнул рукой, – пойдем в дом заглянем – по любому, все ниточки туда тянутся.

Через дыру они проникли во двор, и Слава, шедший первым, ступил на крыльцо. Ступенька предостерегающе затрещала, но не сломалась, и добравшись до дверного проема, он заглянул внутрь, – просторно. Иди сюда, не бойся.

– Да как-то и не боюсь, – Вадим тоже поднялся, держась

на стену, и остановился рядом со Славой.

Сеней, как таковых, строители не предусмотрели, поэтому прямо с порога открывалась довольно большая комната, но вся она оказалась завалена гнилыми балками, досками и какой-то грязной массой, насыпавшейся при обрушении крыши; еще на полу лежал толстый слой неизвестно откуда взявшейся земли.

– Свежих следов нет. Похоже, сюда девочки не заходили.

– Поэтому, я думаю, и нам дальше идти не стоит. Доски гнилые, а если внизу подвал?.. Улетишь – ноги переломаешь. Давай лучше, повнимательней посмотрим снаружи, тем более, в окна там всю начинку тоже видно, – Слава спрыгнул на землю, чтоб еще раз не испытывать сомнительную прочность ступенек.

Участок зарос бурьяном, высоким и жестким, как маленькие деревья. Какие-то плоды с острыми, загнутыми колючками цеплялись за одежду, царапали руки.

– Как все запущено... – очень к месту вставил модную шутку Вадим. Он шел чуть сзади, внимательно глядя под ноги, но ничего ценного так и не попало. В одно из окон, правда, удалось разглядеть ржавую кровать с черной однородной массой, в свое время, видимо, бывшей постелью, и все.

– Ну и?.. – обойдя вокруг дома, Слава остановился у крыльца. С десяток колючек болтался у него на джинсах, несколько повисли на рукаве и на груди.

Вадим достал фотографию и внимательно глядя на нее, снова пошел к дому.

– Ты чего хочешь? – не понял Слава.

– Хочу найти точное место. Вот, – он остановился, – здорвая травина и виднеется бревно с трещиной... да, они устраивали свой стриптиз, именно, здесь.

Подойдя, Слава тоже взглянул на снимок.

– Ну, да...

– А снимали оттуда, – Вадим показал в проход между остатками надворных построек и грудой жердин, возвышавшейся возле забора, – все сходится – кто-то проходил мимо дыры...

Слава наклонился и тут же победно вскинул руку.

– Бычок! «Mallboro leght»!.. Значит, кто-то из наших девочек курит!..

– Отличная работа, Ватсон, – Вадим похлопал Славу по плечу, – и что нам это дает?.. Если только обойти с фотографией все табачные киоски?..

– Слушай, – Слава запустил бычок через забор, – здесь мы больше ничего полезного не найдем. Поехали крутить Чугайновых, искать Игоря...

– Что-то мне подсказывает, что рано нам уезжать. Это место, вроде, держит меня. Как подумаю, что сейчас уеду, внутри все сжимается; хочется то ли плакать, то ли выть с тоски.

– Не дури, Вадик, поехали.

Вадим снова посмотрел на фотографию. Ему показалось,

что зеленые глаза наполнились слезами, а улыбка, словно говорила: – Вот и все, а нам могло быть так хорошо...

– Я не могу тебе этого объяснить... – он вздохнул.

– ...потому что это называется – любовь, да?

– Нет, – Вадим твердо знал, что это не любовь, но дать название новому чувству не мог – только дело было и не в днягах, которые обещал Виктор.

– А Алку ты куда денешь? – развивал мысль Слава, – учти, она привыкла жить за твой счет и думает, что так будет вечно, с печатью в паспорте или без оной. А теперь ты выставишь ее на улицу? Это неблагоприятно.

Вадим удивленно поднял глаза. Он даже не думал никого никуда выставлять. Девушка с фотографии являлась совершенно другой субстанцией, не имеющей отношения к семейной жизни – она как прикосновение к чему-то высшему. Причем, он не знал, от чего там больше, от бога или от дьявола, но то, что все это выше человеческого естества, не вызвало сомнений.

– Пошли, – Слава подтолкнул приятеля к дыре, – баб на свете миллион – включая таких, что не только от взгляда, а от одной мысли член встает, но это ж не повод...

– Причем здесь член? – и будучи не в состоянии сформулировать свои ощущения, Вадим просто сказал, – мы тупо ищем этих девиц. Я так хочу, и ты мне поможешь.

– Тогда поехали. Говорю ж – здесь нам делать нечего. Давай начнем с Валентины Юрьевны, которая на Хользунова –

все равно мимо поедем, а потом уже к Семену Марковичу.

Вздохнув, Вадим оглянулся на сруб и нехотя пошел следом за Славой.

*

Подъезд был похож на большинство подъездов старых девятиэтажек. На потолке торчали скрючившиеся сгоревшие спички в черных закопченных кругах, а выкрашенные темной масляной краской панели пестрели символикой, от пацифистской «куриной лапки» до стилизованной свастики РНЕ.

– Разносторонний народ тут живет, – заметил Слава.

– Но человеческая сущность всегда побеждает, – Вадим ткнул в кривую надпись, неровно выведенную детским почерком поверх всех этих политических потуг: «Ира, я тебя люблю».

– И это хорошо, – Слава вызвал лифт.

Наверху заскрежетало, заскрипело, и через пару минут двери раскрылись, приглашая в темную кабину, откуда явно воняло мочой.

– Я сейчас сблую.

– А ты заткни нос, – Слава чиркнул зажигалкой, ища среди прожженных кнопок, нужную.

Лифт, дергаясь и периодически норовя остановиться, все-таки дополз до девятого этажа. Вадим поспешно выскочил

на площадку, где запах мочи сменился вонью из мусоропровода.

– Ну что, вперед за орденами?.. – он нажал кнопку звонка, оказавшегося на редкость пронзительным.

– Чего надо?!.. – раздался из-за двери визгливый женский голос, по тембру очень напоминавший звонок.

– Здравствуйте, мы хотели бы с вами побеседовать...

– Не о чем нам беседовать! Все равно, квартиру не отдам, а платить мне нечем!.. Вот, и делайте, что хотите!

Слава с Вадимом удивленно переглянулись.

– Никто не собирается забирать вашу квартиру. Мы хотели поговорить о другом. Вы ведь Чугайнова Валентина Юрьевна?

– Чугайнова, Чугайнова... Не прикидывайтесь идиотами! Что, я не знаю, кто вы такие?! Побеседовать они хотят...

– Валюш, открой. Сейчас я размозжу им головы, – слышался гнусавый мужской тенорок.

– И кто же мы? – Вадим, на всякий случай, отступил на шаг.

– Судебные приставы, вот кто! Думаете, я не поняла?

– Во, вяпаешься... – пробормотал Вадим. Тем не менее, картина становилась достаточно ясной – постановление администрации о принудительном выселении злостных неплательщиков наконец-то вступило в силу.

– Мы не судебные приставы. Скорее, наоборот – возможно, мы поможем решить определенные ваши проблемы.

– Кто же вы? – мужчина хотел придать голосу грозность, но получалось это плохо, – учтите, у меня топор.

– Засунь его себе в задницу, козел, – не выдержал Слава, – у меня сарай лучше, чем твоя хата! С тобой серьезные люди разговаривать пришли, засранец; время свое тратят, а ты верещишь, как недоношенный поросенок!

Вадим прыснул от смеха; он хотел спросить, видел ли Слава недоношенного поросенка, но не успел. Монолог, видимо, убедил хозяев, и дверь осторожно открылась. В проеме стояла женщина неопределенного возраста в грязном халате, с лицом, ярко выражавшем пристрастие к алкоголю; опухшие глаза смотрели яростно, и, в то же время, трусливо. Она загоразивала собой маленького щуплого мужичка с недобрым лицом и бегающими глазками, одетого в майку и жуткое старое трико. В дрожащих руках мужичок, действительно, держал топор, который дрожал вместе с ним и, казалось, вот-вот должен упасть ему на ногу.

– Ну что, похож я на пристава? – Слава вальяжно вошел в квартиру, тесня хозяйку.

– Хрен вас разберет... – пробормотал мужичок, – а топор никогда не помешает.

– Я тебя без топора шелбаном пришибу, если надо будет, ублюдок, – он повернулся к женщине, – Валентина Юрьевна, давайте пройдем куда-нибудь и поговорим спокойно.

– Вы уж извините, – женщина засуетилась; распахнула дверь на кухню, демонстрируя початую бутылку вина и рас-

крошенный на столе хлеб, – у нас такая беда... На работе сократили, устроиться нигде не могу. Денег нет совсем... А если из квартиры выгонят, что ж нам, на свалку идти жить? – она шмыгнула носом, и вытерла кулаком невидимую слезу.

Слава, а за ним и Вадим, прошли на кухню.

– Валентина Юрьевна, вы – Чугайнова по мужу или это девичья фамилия?

– А вам зачем? – насторожилась женщина.

– Да не враги мы, – Слава вдруг улыбнулся, – у нас есть деловое предложение, но для этого мы должны определить степень вашего родства с Чугайновыми.

Мужичок положил топор и прижавшись к притолоке, всунул на кухню свое источавшее запах перегара, лицо.

– Это моя девичья фамилия, – сказала женщина, – по мужу я была Новикова, а когда ушла от него, вернула свою старую. У меня на ней сын остался добрачный, вот я и решила, что так лучше... Хотя, какая разница...

– А где ваш сын?

– Сын в тюрьме, – она отвернулась к окну, – человека убил... Да вам-то, что надо?..

– Есть километрах в ста отсюда деревня Дремайловка, а рядом хутор, где в свое время проживали некие Чугайновы. В народе он так и зовется – Чугайновский. Мы ищем родственников тех Чугайновых.

– А зачем?

– Говорят, Чугайнов-старший в могиле дочери зарыл зо-

лотишко кое-какое. Мы хотим найти родственников, чтоб на законном основании этот клад достать.

– Сто километров?.. – Валентина Юрьевна задумчиво почесала немытую голову, – нет, не было у нас никаких сокровищ. Мои предки всю жизнь землю пахали.

– Ну, нет, так нет, – Слава негромко хлопнул в ладоши, – много за квартиру-то должны?

– Много. Около девяти тысяч.

– Это много, – согласился Вадим. Сначала возникло желание просто достать и отдать им триста долларов, но еще раз оглядев убогую обстановку, он решил, что все равно деньги будут немедленно пропиты, и поднялся.

– Может, хоть на «чекушку» оставите, раз такое дело? – проскулил мужичок.

– Держи, и больше топором не балуйся.

– Придурки какие-то, – беззлобно сказала Валентина, закрыв за гостями дверь.

– Ну, придурки – не придурки, зачем-то же они приходили.

– Может, подосланные? Проверить, как мы живем? Может, жируем, пока никто не видит, а для ЖЭУ прикидываемся?

– Повод уж больно глупый. Могли б чего поумнее придумать – обмен квартир, например, или купить чего предложить, а то какая-то могила на каком-то хуторе... Как, кстати,

деревня-то называется, не помнишь?

– Дремайловка, вроде... – Валентина Юрьевна взяла бутылку, – выпивать будешь? Перепугалась я, аж голова болит.

– Это с похмелья она у тебя болит, – пробурчал мужичок, – выпивать... кто ж выпивать не будет? Ты еще за бутылкой пойдешь или мне сходить?

– Может, на завтра денег оставим? А то жрать не на что.

– Завтра... а хрен его знает, доживем ли до завтра? Это штука такая – жизнь. Сама знаешь, сегодня есть, а завтра, нет, – он поднял стакан, посмотрел в потолок и добавил, словно обращаясь к некоему высшему существу, – правда ведь, брат?

«Брат» ничего не ответил и даже не подал никакого знамения. Мужичок расстроено вздохнул и выпил, жадно за-талкивая в себя булькающую, сопротивляющуюся жидкость. Валентина Юрьевна долго смотрела в стакан, покачивая рас-трепанной головой, потом собралась с духом и тоже выпила, высоко запрокинув голову. Несколько секунд она стояла неподвижно, ожидая, пока жидкость достигнет самых глу-бин организма, потом села на табурет, и подперев голову, со-скальзывающими со стола, руками, уставилась в окно.

– А ведь я Чугайнова... – она пьяно растягивала слова.

– И что? – мужичок опустил ся напротив, и собрав несколько крошек, отправил их в рот, – я знаю, что ты Чу-гайнова – что ты этим хочешь сказать?

– Не знаю, Вань, – она подняла голову и мечтательно улыб-

нулась, – а вдруг, и правда, это моя родня была?

– Вся твоя родня, сама знаешь, где лежит. Али не знаешь?..

– А если не вся? Представляешь, сколько там денег?..

– Никаких денег там нет. Ежели, чего и было, то молодцы, типа этих, давно все вырыли. Не дури себе голову. Нам «стольник» дали? Дали. Вот, и скажи, спасибо.

– Спасибо, – она покорно улыбнулась.

– Так-то. И забудь эту белиберду. Ты за водкой пойдешь?

– Нет, давай назавтра оставим.

– Дура ты, – Иван встал и вышел. Через минуту из комнаты донесся скрип дивана и сопение, иногда прерываемое вздохами, похожими на всхлип. Валентина Юрьевна, вроде, и не слышала этих звуков. Она продолжала смотреть в окно, бормоча:

– Ведь я Чугайнова... да... – но дальше мысль не шла.

*

Второй адрес принадлежал дому из разряда «хрущевок» – с тесным подъездом и нависающими лестничными маршами. Вчера ребята уже стояли перед ним, не зная, как подступиться.

– Играем тот же сценарий? – уточнил Вадим.

– А, по-моему, без разницы, какой сценарий играть. Это так... как говорили раньше, «мероприятие для галочки».

Ничего мы не добьемся, я уже чувствую.

Тем не менее, уже через минуту они стояли перед стандартной зеленой дверью, которая казалась чем-то противоестественным на фоне, ставших привычными для центра города, массивных металлических конструкций с множеством замков, превращавших квартиру в сейф.

– Не богато, – Вадим уверенно позвонил.

Слава подумал, как глупо все это выглядит со стороны. Два взрослых дяди, впавших в детство, затеяли игру в шпионов, и надеются получить приз от резидента, по кличке «фотограф». Хорошо, что на фирмах никто не знает, чем занимаются их генеральные директора!

За дверью послышались шаги, и мужской голос спросил:

– Кто?

– Извините, вы – Чугайнов?

– И что с того?

– Можно с вами поговорить? – при этом Вадим подумал:

...*Истинный Семен Маркович!*..

– А вы кто такие?

– Вы нас не знаете, но у нас есть предложение.

– Ну, так говорите.

– Через дверь как-то неудобно...

– Мне удобно. Я вас хорошо слышу. Говорите или уходите.

– Ладно, – Вадим вздохнул, – скажите, у вас не было родственников в деревне Дремайловка?

– А какое вам дело до моих родственников?

– Да, ты скажи – да или нет! – вновь не выдержал Слава.

– Идите вы на х...! – и шаги стали удаляться.

– Подождите! – крикнул Вадим, показывая Славе кулак, – речь идет о неплохих деньгах.

Шаги вернулись, но дверь не открылась.

– Я слушаю.

– Ответьте сначала, были родственники или нет?

– Нет.

– А тогда никаких бабок, – сообщил Слава довольным голосом – этот еврей с русской фамилией раздражал его даже больше, чем предыдущие алкаши, – пошли дальше, Вадик; будем искать других Чугайновых.

Семен Маркович, видимо, понял, что они вовсе не стремятся проникнуть в его квартиру и действительно имеют какое-то предложение, поэтому, когда они спустились на один пролет, дверь неожиданно открылась, и оттуда высунулась лысеющая голова в очках.

– Так что вам нужно?

– Уже ничего, – ответил Слава, – нам нужны Чугайновы, у которых в конце девятнадцатого – начале двадцатого века были родственники в деревне Дремайловка. Все! С ними мы будем разговаривать дальше.

– А вы уверены, что таковые существуют? – Семен Маркович, видя, что «гости» продолжают стоять внизу, совсем осмелел и вышел на площадку. Он оказался невысоким,

плотным, с выпирающим через майку круглым животиком.

– Не уверен, но будем искать.

– Зачем? Дело в том, что мои корни с Урала. Да вы зайдите, – предложил вдруг Семен Маркович.

Удивленно переглянувшись, Вадим со Славой, пошли обратно. Они не надеялись узнать здесь что-либо интересное, но других Чугайновых в городе все равно не осталось.

Квартира представляла собой олицетворение «застойных» семидесятых, со стандартным набором мебели, приобретавшимся при социализме всеми советскими людьми и служившим мерилom благополучия. Правда, сейчас все это достояние состарилось, облезло и выглядело ужасно примитивно, в сравнении с великолепием современных салонов.

– Чаю хотите? – спросил хозяин, когда все прошли на кухню, – больше предложить нечего; не пью я уже пять лет; сердце, знаете ли.

– Нет, спасибо – мы не за этим, – Вадим присел на подоконник, – мы ищем родственников Чугайнова, умершего, примерно, в 1916 году или его дочь, Анастасию, родившуюся году, так, в 1900, и пропавшую в 1915 – 1916.

Семен Маркович почесал затылок.

– Как я говорил, мы родом с Урала – оттуда и фамилия такая металлургическая. Из Демидовских мы. У прадеда было четыре сына и ни одной дочери. Один умер в детстве, другой погиб на заводе, третий – в гражданскую. Это дед мой рассказывал. То есть, в шестнадцатом году никто из них не мог

умереть, тем более, они были слишком молодыми, чтоб в девятисотом родить дочь – они сами тогда еще были детьми. А, вот, прадед... у него был старший брат, который сбежал с заводов, и с тех пор никто о нем ничего не знает. Вот, он мог и дочь сделать, и умереть в шестнадцатом, если дед был с 1861 (это я помню, потому что он всегда смеялся, мол, с его рождением отменили крепостное право), а тот на пару лет старше – вполне...

– И что о нем известно?

– Говорили, подался он к «беглым людям», которые на дороге разбойничали. Опять же, почему знаю – тот же дед рассказывал. Когда революция началась, и у всех стали корни искать – кто из каких сословий будет, так он, говорит, часто за счет этого выезжал, объявляя его бунтарем, который богатых грабил и за народ стоял. Помогало, знаете ли. А доподлинно неизвестно, куда он сгинул.

– Вообще-то, складно получается, – Вадим задумчиво поскреб щеку, – этот, говорят, тоже на дорогах баловался... И что, никто из родственников не интересовался его судьбой?

– А где интересоваться-то? Если дед ничего не знал, то остальные, и давно. А если б и захотели узнать – революция все архивы уничтожила.

– Это да...

– Так, может, вы скажите, зачем вам все это?

– Понимаете... – Вадим решил рассказать «легенду».

– А у вас самого родственники есть? – перебил Слава.

– Сын в Мурманске. Офицер подводник. Сестра на Украине, с мужем. Дочь у них.

– Сколько лет дочери?.. – Вадим даже привстал.

– Не помню точно, лет тридцать пять – тридцать восемь.

Старая дева. А что?

Вадим разочарованно вернулся на подоконник.

– Дело в том, что мы, кажется, нашли место, где последние годы прожил человек, очень схожий с братом вашего прадеда, и где он похоронен. Говорят, он стал достаточно богатым, и большие сокровища похоронил вместе с любимой дочерью. Вот, мы ищем, кто б нам помог получить разрешение на эксгумацию тела. Это ж должен быть родственник, правильно?

Семен Маркович посмотрел на Вадима так внимательно, что тот почувствовал, как краснеет; потом на Славу, скромно потупившего глаза, и расхохотался.

– Ребята, – он вытер две крохотные слезинки, – вы меня совсем за идиота держите, да?.. Но я не полностью из ума выжил, чтоб верить в такой бред. В наше время, когда за сто рублей убивают живых, два молодых, здоровых и, похоже, не бедных человека, будут церемониться с могилой прошлого века? Не верю!.. Вот, режьте меня, не верю!.. Это получается, вы пришли искать, кому б отдать деньги, закопанные в могиле, на которую никто не претендует?.. Или я чего-то не понимаю?.. Скажите честно, зачем вы ищите Чугай-

НОВЫХ?

Вадим, не ожидавший такого поворота, лишь растерянно хлопал глазами, но ему на помощь попытался прийти Слава.

– Вот, такие мы, честные!

– Да? – Семен Маркович сделал серьезное лицо, – тогда я даю согласие на вскрытие могилы, потому что это мой двоюродный прадед. Когда мы едем делить сокровища?

– Завтра. Сегодня уже поздно.

– Отлично! Значит, завтра, – хозяин встал, давая понять, что разговор окончен. Уже у двери он добавил, – прощайте, ребята. Не знаю, зачем вам потребовалась вся эта комедия, но учтите, никаких сокровищ ни у кого в нашем роду отродясь не было, – он закрыл дверь, даже не пожав руки.

– Ну что? – спросил Слава, когда они спустились вниз, – недооценили мы наш еврейский народ? Действительно, какие в наше время разрешения, если высоковольтные провода со столбов снимают, рельсы из земли выворачивают. Не очень убедительно мы выглядели.

– Плевать, – Вадим реально плюнул на асфальт, – главное, мы не узнали ничего полезного.

– Ну, почему же? Мы, например, узнали, что не надо лезть в историю и поднимать родословные – за столько лет все настолько запуталось, что концов все равно не найдешь. Надо тупо искать свидетелей, а не родственников, согласен?

– Тогда поехали в «Бегемот». Может, Юля что-нибудь интересное нам скажет?

– А не рано?

– Рано. Давай встретимся там часиков в восемь...

*

На низкой кованной ограде, отделявшей летнюю террасу «Бегемота» от остального города, горели белые матовые шары. Оттуда же доносился смех, звон посуды и редкие выстрелы шампанского. В зеленой листве, новогодними гирляндами, мерцали разноцветные лампочки, в то время, как на всей остальной улице горели редкие, ничего не освещавшие фонари. Это место казалось оазисом веселья и благополучия среди серых, угрюмых пятиэтажек, проступавших на фоне потемневшего неба.

Слава подошел к ажурной калитке и увидел сидящего в одиночестве Вадима, но охранник в безупречном черном костюме и белой рубашке преградил вход.

– У нас все места заняты.

– Меня ждет вон тот товарищ, – Слава указал на площадку.

Охранник проследил за его жестом и сделал шаг в сторону.

Вадим задумчиво курил, отвернувшись от веселившейся публики – дело в том, что днем, вернувшись домой, он принялся снова изучать фотографию, и чем пристальнее вглядывался в нее, тем явственней замечал, как лицо русоволо-

сой принимает самые разные выражения, совсем как живой человек. Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда, и сейчас он решал, стоит ли говорить Славе о том, что у него «поехала крыша»?

– Какие дела? – Слава присел напротив, и тут же из полумрака возникла официантка с меню, – большой «Warsteiner», а дальше, посмотрим, – он прекрасно ориентировался в меню данного заведения, – не видел наших подруг?

– Да я минут пятнадцать как подошел; ждал, пока место освободится.

– Да уж, – Слава окинул взглядом террасу, – гуляет по полной наш нищий народ.

– Не такой он и нищий – просто у русского человека в крови, быть вечно недовольным и постоянно жаловаться.

– Почему только у русского? Денег всем не хватает...

– ...только не все делают жалобы на жизнь ее смыслом, –

Вадим отхлебнул пива, – если честно, я что-то устал.

– От чего?

– Не знаю. Эта фотография... Мне все время кажется, что она смотрит, именно, на меня. Причем, то улыбается, то грустит, то чуть не плачет... Понимаешь, мне кажется, я чувствую изменения ее настроения, ее желания. Я уже начинаю думать, что у меня с мозгами не все в порядке, а это, поверь, весьма неприятное ощущение. Мне надо вырваться из всего этого...

– Порви фотографию и сожги пленку.

– Возникла такая мысль, но это будет похоже на убийство. Понимаешь, я просто убью ее этим.

– Да, брат, крыша у тебя изрядно накренилась, – Слава покачал головой. Он прекрасно знал, что Вадим не способен влюбиться в фотографию даже самой эффектной и сексуальной женщины в мире – он даже в двадцать лет являлся реалистом, а уж годы, как известно, романтики не прибавляют, – тебе надо срочно выпить водки; много водки!.. – предложил Слава испытанный вариант избавления от иллюзий.

– Думаешь, поможет?

– Думаю. Оно ж как – сразу появится масса хорошеньких женщин, с которыми хочется познакомиться... ну и со всеми вытекающими последствиями.

– Ладно, попробуем. Я пока закажу, а ты спустишься вниз – может, девчонки уже там.

Слава направился к входу, над которым подмигивала неоновыми глазами улыбающаяся бегемотья морда, и по темной лестнице спустился в главный зал. Яркий свет, отраженный десятками зеркальных пластин, ослеплял, и Слава остановился, привыкая к обстановке, наполненной громкими голосами, звоном бокалов... и в довершение, заглушая все, грянула музыка.

Слава огляделся. Декоративные колонны создавали иллюзию отдельных кабинетов, поэтому отыскать кого-либо, не подходя к каждому столику, казалось практически невоз-

возможным. Он вспомнил совет – если хочешь кого-то найти, не бегай; стой на месте, и тот, кто нужен, сам придет. В данном случае это являлось самым верным решением.

Музыка становилась все громче, доносясь из динамиков, висевших во всех углах зала. Невидимый ударник яростно молотил по барабанам, рождая не столько ритм, сколько дикую какофонию звуков, желающих танцевать под которую не было.

Продолжалось это минут десять – через пустой пяточок в центре зала лишь беспрепятственно сновали официантки с подносами и перемещались нетвердой походкой какие-то фигуры мужского пола. Слава уже собирался вернуться наверх, когда из-за колонны появились две девушки. Заняв позицию, они кивнули друг другу, словно отдав команду, и принялись синхронно изгибаться, образуя руками подобие водопада. Их движения так ловко укладывались в музыку, что Слава даже удивился – оказывается, и под такое сопровождение можно было изобразить нечто красивое.

Народ принял сигнал. Пяточок стал заполняться топчущимися и вихляющимися людьми, а девушки оставались в центре круга, заряжая всех своей энергией. Слава подумал, что, возможно, это не просто посетительницы, а «добровольные сотрудницы», типа, Кати. Когда танец кончился, он направился вслед за солистками и сразу увидел саму Катю, сидевшую на дальнем конце длинного, сдвинутого из нескольких, стола, рядом с интересным, коротко-стриженным муж-

чиной.

– Слав! – крикнула она, помахав рукой, – иди к нам!

– Привет, – он махнул в ответ, – душно здесь. Не хочешь на минутку выйти на воздух?

Катя что-то объяснила своему кавалеру, и тот засмеявшись, приветливо вскинул руку, подтверждая, что не возражает.

– Фу-х, – она с трудом выбралась из-за столика и картинно чмокнув Славу в щеку, засмеялась, – соскучился? Я ж говорила, что со мной просто так не расстаются – со мной прикольно...

– Пойдем, – перебил Слава, – там Вадим водки заказал.

– Я не хочу водки.

– Тогда пиво. Пойдем.

Они поднялись по лестнице в полумрак и матовый свет уличных шаров, сразу дававших глазам отдых. Музыка превратилась в глухой ритм, совершенно не вмешиваясь в шелест листьев и редкие автомобильные сигналы на перекрестке.

– А здесь, правда, кайфово, – Катя вдохнула прохладный воздух, – жаль, что нет музыки, мы б сюда переместились.

– Мне надо найти Игоря, – сказал Слава.

– Какого Игоря? У нас тут их много.

– Юлиного. Которого мы потеряли на берегу.

– Ах, этого... Знаешь, будет довольно сложно. С Юлькой у них разбег, по жизни. Она же тогда все-таки вычислила

его, а он бросил трубку и не стал с ней разговаривать. Она попыталась достать его вечером, но нарвалась на жену. Та сначала послала ее матом, а потом суксилась и начала ныть, что он ее, вроде, тоже бросил и ушел к родителям. А там на стрёме мать – отвечает, типа, он никого не хочет знать и просит больше не звонить. Короче, такая фишка, что никто ни фига не понимает.

– Ты знаешь телефон родителей?

– Нет, но Юлька знает. Она должна быть дома. Сопли пережевывает. Дай свою мобилу.

Катя по памяти набрала номер.

– Привет. Как твой?.. Это конкретно... И правильно – главное, не загоняйся. Лучше приезжай в «Бегемот». Оксанка здесь, Машка, Витька с Саньком... куда ж он выпадет из коллектива?.. – она засмеялась, но взглянув на Славу, вспомнила, зачем звонит, – кстати, дай телефон родаков твоего бывшего... ну, Славе он зачем-то нужен – помнишь, Славу, с которым в выходные ездили?.. Да, на белом джипе... Давай, диктуй большими буквами, – она вслух повторила номер, и Слава еле успел записать его, – так мы тебя ждем?.. Все, через час. Чмоки-чмоки, – она вернула трубку, – а, правда, зачем он тебе?

– Есть одна проблема. Сейчас не могу рассказать, потому что сам толком не разобрался, но происходит что-то странное.

– Ух, ты!.. – Катя азартно потеряла свои маленькие ладо-

шки, – жуть люблю, когда что-нибудь странное!.. Я, вообще, такая наивная «чукотская девочка» – все гороскопы читаю, – она засмеялась, – а когда расскажешь?

– Пойдем с нами посидим, а то Вадим, наверное, заждался.

– Не, – она покачала головой, – у меня там воздыхатель сидит. Мне с ним ссориться не в кайф – он водный мотоцикл купил – знаешь, как охота покататься!.. Ты позвони мне домой. Давай забудь тебе свой номер.

Потыкав пальчиком в кнопки, Катя вернула аппарат и исчезла в чреве «Бегемота».

Вадим сидел, подперев руками голову, и смотрел в полную рюмку. На столике стояла уже початая бутылка водки и два остывающих блюда с окорочками.

– Катька здесь, – Слава, довольный, плюхнулся на стул, – телефон я узнал, но...

– ...Игорь исчез, – закончил Вадим, поднимая голову.

– Не угадал – еще интереснее. Он послал на фиг Юлю, ушел от жены и переехал к родителям, а мать его к телефону не зовет.

– Он ее видел... настоящую...

– Что? – не понял Слава.

– Он ее видел, говорю! И остальные бабы ему теперь до фени – вот что!.. Звони Игорю. Я сам поговорю с ним.

– Пожалуйста, – набрав номер, Слава протянул телефон.

– Алло, – произнес Вадим после небольшой паузы, – Иго-

ря можно?.. Кто спрашивает? Он меня не знает, но, думаю, ему будет крайне интересно. Спросите, не хочет ли он снова увидеть зеленые глаза? Да, я подожду, – он прикрыл трубку рукой, – сейчас проверим... Алло, Игорь? – с улыбкой гения Вадим развел руками, – да, ты не знаешь меня. Я хотел бы поговорить об одной тихой речке, где на берегу стоит заброшенный домик, и еще про зеленые глаза, пшеничные волосы... где я нахожусь?.. В «Бегемоте»... Сорок минут вполне устроит. Нас двое... за крайним столиком пьем водку... да, ждем... – Вадим положил трубку на стол, – я прав?.. Говорю ж, ни одна «звезда» не способна покорить столько народа, сколько эта зеленоглазая бестия. Выпьем за нее.

– Ты меня пугаешь, – Слава поднял рюмку, – я, конечно, выпью, но у тебя в глазах появился какой-то нездоровый блеск.

– Ерунда. Это водка несвежая. Я без тебя тут пару рюмочек опрокинул со скуки.

Выпив, Слава придвинул лежавшую на столе фотографию и уставился на нее; смотрел долго и наконец вздохнул.

– Не понимаю. Да, девка; да, смазливая, но неужто ты не видишь – глаза у нее неживые – с ней в постели с тоски помрешь.

– Ты с ума сошел! Живее я в жизни ничего не видел! Она излучает чувства и настроение!..

– Да?.. – Слава покачал головой, – а по мне, это кукла, и не более того. Вторая даже интереснее, но она, похоже,

тварь. Тонкие губы и выражение лица... не злое, но какая-то в ней хрень имеется!..

– Я вторую и не замечаю – для меня она, типа, фон.

– Блин, какие у людей, оказывается, разные вкусы!

– Нормальные. Представь, если б все мужики думали одинаково и влюблялись в одних женщин?

– Да, случай клинический...

Замолчав, они занялись окорочками.

За соседним столиком со звоном разбился бокал, что вызвало бурю восторга; за другим, задвигали стульями, направляясь вниз, откуда вновь доносился грохот ударника, где-то в углу крикнули, что Саша любит Марину... Короче, жизнь продолжалась, бурная и веселая, и только двое за крайним столиком молча жевали, искоса поглядывая на лежавшую рядом фотографию, и пытаюсь понять вещи, о существовании которых три дня назад не могли даже подозревать. И так продолжалось до тех пор, пока Вадим не догадался убрать снимок.

Высокий крепкий парень, неуверенно вошедший на террасу хотел пройти мимо, но остановился.

– Простите, это не вы мне звонили? Я – Игорь.

– Мы, – Слава отодвинул стул, – Вячеслав, а это – Вадим. Девушка! – он махнул официантке.

– Я не хочу есть.

– Ты можешь не есть, но выпить обязан, – Слава вы-

разительно смотрел на пальцы Игоря, которые он тасовал, не зная, как сложить, чтоб скрыть дрожь.

Пока официантка ходила за рюмкой и новой бутылкой, все молчали, и только когда выпили, Игорь, вроде, успокоился и даже стал поглядывать по сторонам. Тогда Вадим молча перевернул фотографию. Игорь схватил ее – казалось, он готов был прижать снимок к губам, но вовремя остановился.

– Это я снимал... – выдавил он тихо.

– Ты?.. – глаза у Вадима округлились, – ты... видел их?!

– А вы не видели? Вы ж были там, если нашли мою камеру.

– Стоп! – Слава хлопнул ладонью по столу. Он был не меньше удивлен, но поскольку фотография не вызывала в нем столь бурных эмоций, то и соображал быстрее, – начнем сначала. На известном тебе месте, куда мы привезли твою дражайшую Юлю, стоит заброшенный хутор...

– Я знаю, – Игорь кивнул.

– Вадим нашел там фотоаппарат...

– Это мой.

– Какой? – спросил Слава с подозрительностью следователя, проводящего дознание.

– «Кодак». Модель я не помню. В нем отснят один кадр. Вот, этот, – Игорь в первый раз улыбнулся, – спасибо, что нашли. Это подарок... или вы не верите?..

– Верим, – Вадим кивнул, – он у меня. Заберешь потом.

– Один вопрос решили, – подытожил Слава, – теперь ска-

жи, можешь помочь найти этих подруг?

– Не думаю, – Игорь чуть двинул рюмку, и Слава понял жест однозначно.

Все выпили, и Игорь тяжело вздохнул.

– Если б что-нибудь понимал, я, может, и помог... короче, я приехал в четверг – мы так договорились с Юлькой, а она должна была приехать в субботу с подругами...

– ...и с нами.

– Неважно. Вечером я сидел у реки и ждал удачного кадра, чтоб поснимать закат. Я, конечно, не профессионал, но на областной фотовыставке призовые места брал. Я люблю природу снимать. Иногда на байдарке в такую красоту заплывешь...

– И что дальше? – бесцеремонно перебил Слава.

– Дальше?.. – Игорь вернулся из прекрасного и радостного мира, к реалиям своих переживаний, – было еще совсем светло. Вдруг ко мне подошла вот эта брюнетка, – он ткнул пальцем в фотографию, – попросила сигарету. Я, естественно, дал. Она была одна. Вокруг ни машин, ни палаток. Я так и не понял, откуда она взялась. Запросто присела рядом. Мне она понравилась, и я преложил ей пива. Ну, сами понимаете, когда мужик один, а тут сама подходит красивая девушка...

– Понятно, не бывает ничьих баб – бабы бывают, либо уже наши, либо пока не наши.

– А как ее звали? – уточнил Вадим.

– Назвалась Леной, но не знаю, насколько это правда. Камера висела у меня на руке. Знаете, очень удобно – вроде, и рука свободна, и техника всегда в готовности... Так вот, Лена эта улыбнулась как-то... интимно, что ли, и пошла к хутору; по дороге обернулась... Короче, двинул я за ней. Пока дошел до забора, она уже юркнула в дырку. Честно говоря, я не понял, зачем забираться на заросший бурьяном двор, когда рядом мягкая травка, песочек, у меня палатка натянута. Заглянул в дырку, а на покрывале лежит вторая девушка, блондинка, – Игорь сглотнул слюну и снова пододвинул рюмку; выпил ее, не поморщившись, – так вот, она была совершенно голая. Я обалдел... Сейчас я пытаюсь анализировать... так вот, она была какая-то... не то, чтоб ненастоящая, а находилась, вроде, за стеклом – немного мутным, но достаточно прозрачным, чтоб я видел ее всю... и в то же время, я чувствовал преграду, которую не смогу преодолеть. А Лена засмеялась и побежала к ней. Блондинка подняла голову, увидела меня, и ничуть не смутившись, села, поджав ноги. Она была настолько хороша, – Игорь вытер ладонью рот, словно от одного воспоминания, у него побежали слюнки, – ее глаза светились каким-то неземным огнем... трава казалась блеклой, в сравнении с этой играющей зеленью... Да что я рассказываю?... – он махнул рукой, искоса глядя на снимок, – короче, такой девушки я не видел даже на картинках, а тут она сидела передо мной и улыбалась. Я непроизвольно поднял камеру, чтоб запечатлеть ее. У меня реакция срабо-

тала лучше – я успел щелкнуть, прежде чем они ломанулись на крыльцо и скрылись в доме. Я за ними, но подо мной ступени затрещали, хотя я вешу не больше них обоих. Замер я на пороге и вдруг вижу, что на полу нет следов, хотя он весь покрыт слоем пыли – они, типа, растаяли в воздухе. И тут я услышал смех – сначала снизу, а потом отовсюду, и смех этот перерастал в хохот, делаясь все громче. Мне показалось, что стены стали качаться и вот-вот рухнут. Я скатился с крыльца, зацепился за что-то... Здесь я, наверное, и выронил камеру... Выскочил с участка, оглянулся – нигде ничего не качается, не хохочет... солнышко светит, птички щебечут...

Я хотел вернуться, но что-то словно сдерживало меня. Стоило переступить границу, в ушах начинал звучать этот нарастающий хохот, становящийся каким-то нечеловеческим. Я ничего не хочу сказать – так мне казалось, – пояснил он, оправдываясь, – короче, я не смог войти туда снова. Потом стало темнеть, и возникло дикое желание поскорее убраться с этого места, но пока б я собрал палатку и уложил вещи, наступила б ночь. К тому же, со мной был запас продуктов и выпивки, который я просто не мог унести.

Короче, я решил остаться, но перебрался подальше от хутора, к берегу, и все равно, это была ночь кошмаров. Не знаю, что происходило в реальности, а что в моем мозгу, потому что я всю ночь жег костер и пил водку. Спать я не мог – каждый шорох и даже плеск рыбы вселяли ужас... А после полуночи, вы не поверите!.. Появились обе девушки – полно-

стью обнаженные; возникали они везде и ниоткуда; они звали меня, а, самое страшное, я готов был идти за ними!.. Зеленые глаза затмевали все вокруг, разрастаясь до невероятных размеров, и засасывая, как болото. Был момент, когда я, типа, Хомя в «Вие», собрался очертить себя кругом и творить молитву, но я не знаю ни одной, да и, вообще, некрещеный... Короче, эту ночь я кое-как пережил, но вторая, оказалась бы выше моих сил, поэтому утром я собрал манатки и двинул пешком до трассы. К тому времени я еще не протрезвел, и шел, как в тумане; два раза падал, но что-то гнало меня оттуда, а я не хотел уходить... я знал, что не должен уходить!.. После я решил, что это был пьяный бред, но почему-то мне до сих пор снятся ее объятия. Я их не испытал, и, тем не менее, знаю, что это такое блаженство, какого нельзя достичь ни с одной женщиной. Потом я начинаю задыхаться – она будто душит меня, и просыпаюсь в холодном поту а когда ощущаю, что все-таки жив, снова желаю попасть в эти объятия!.. Я не знаю, что делать дальше... – он замолчал, вертя рюмку и глядя на опустевшую бутылку.

Вадим бессмысленно улыбался в темноту, видимо, примеряя ощущения к себе. Слава закурил и снова перешел на следовательский тон.

– Давай уточним некоторые детали. Значит, они исчезли в доме, а следов на полу не осталось?

– Да.

– Но ты мог их не заметить. Я тоже заглядывал в дом – там

такие кучи мусора, что вполне реально не заметить следы, тем более, если человек бежал, не наступая всей ступней.

– Знаешь, – Игорь устало посмотрел на Славу, – в детстве Конан-Дойла я читал взахлеб и тоже кое-что знаю про всякую дедукцию, но сюда это не относится. Я уже передумал все – это не поддается логике. Это надо чувствовать, и я чувствую!.. Но то, что чувствую, не могу объяснить.

– Чушь. Объяснить можно все. Все поддается логике, а вы оба сумасшедшие.

– Ты тоже ее видел? – Игорь перевел взгляд на Вадима.

– Ему хватило фотографии, – усмехнулся Слава.

Вспыхнувшие, было, глаза Игоря мгновенно померкли – ему стало неинтересно общаться с человеком, который знал меньше него, с которым нельзя говорить на равных.

– Спасибо, что камеру нашли, – сказал он.

– Да без проблем. Вернем в лучшем виде, – Слава великодушно улыбнулся.

– Мне надо домой, – Игорь поднялся, – я что-то должен?

– Нет, гости не платят.

Попрощавшись, он побрел к выходу, и только тут Слава заметил, что давно наступила ночь. Терраса постепенно пустела. Хотя «Бегемот» работал до утра, шумные компании отправлялись гулять по городу, а за столиками оставались влюбленные парочки и перебравшие, тихие мужики.

– Вади-им! – позвал Слава задумавшегося друга, – ты где?

– Здесь.

– А где был до этого?

– Там, на берегу. Я б нашел ее в этом чертовом доме...

– Понятно. Теперь, имея дополнительную информацию, давай рассуждать логически, отбросив всю потустороннюю ересь. Девочки, без сомнения, местные, потому что ни палатки, ни машины, ни даже сумки с харчами у них не было, согласен?

– Допустим.

– Но они явно и не колхозницы, пришедшие искупаться после прополки свеклы. Значит, что? Они приезжие, но живут недалеко. Кто это может быть?.. Студентки на каникулах, либо отпускнуцы на съемной даче.

– Скорее, первое.

– Я тоже так думаю. Но живут они не в Дремайловке, иначе б Анна Никифоровна сказала – она ж так похожа на Настю, что захочешь, не спутаешь.

– Наверное, в округе не одна деревня.

– О! Это надо выяснить. Но, самое противное, что долго они там не пробудут.

– Почему ты так считаешь?

– Исходя из дедуктивного метода. О чем говорит то, что Лена пила с ним пиво, беседовала и не послала сразу, как только он за ней увязался? О том, что им до безумия скучно там. А если людям скучно и у них есть возможность, они стараются побыстрее свалить. Не знаю уж, что их привело в эту Тьму-Таракань, но с такими данными их место на Ка-

нарах, куда они и махнут в ближайшее время. Согласен?

– Тогда мы потеряем их окончательно...

– Да. Отсюда следует, если мы хотим, чтоб на Канары они ехали под эгидой модельного агентства «Вадюсик энд Славусик», надо поторопиться. Завтра я забираю палатку, закупаем провиант и двигаем обратно на хутор.

– Слав, ты настоящий друг, – Вадим взглянул на него с благодарностью.

– Ну, брат, за такие слова я с тебя даже за бензин не возьму, – он засмеялся, – пошли спать, а завтра двинем часиков в семь.

Вадим рассчитался, и они вышли через узкую калитку, в которой уже не было охранника, потому что город давно спал.

*

Выехали они, как и планировали, в семь. На этот раз Вадим выспался, но разговаривать все равно не хотелось – не имея новых фактов, обсуждать ситуацию, в которой ничего не понимаешь, значило только запутываться еще больше. Поэтому Слава включил магнитофон, чтоб хоть как-то нарушить неуютную тишину, а Вадим курил, разглядывая бесконечные поля – однообразные, словно не меняющиеся, ни в пространстве, ни во времени; фотография же, лежа в бумажнике, совсем не напоминала о своем присутствии сквозь

прослойку из купюр и толстой добротной кожи. Лишь, когда они уже подъезжали к последнему повороту перед Дремайловкой, Вадим спросил:

– В другие деревни-то заезжать будем?

– А ты знаешь, где они? Может, для начала зайдем к Анне Никифоровне?

Подняв облако пыли и вспугнув стадо гусей, джип остановился у знакомого штакетника. Хозяйка сидела на крыльце, как нахохленная птица, и глаза ее размеренно моргали, не меняя выражения лица. Это выглядело так, будто джипы приезжали к ней каждый день, но потом Вадим догадался, что без очков она просто ничего не видит. Тем не менее, услышав шаги, Анна Никифоровна повернула голову, и сходство с птицей пропало, превратив ее в старого, сгорбленного человека.

– Анна Никифоровна, – позвал Слава, – это мы. Помните?

– Помню... – она прищурилась, – насчет дома с Тимофеевой-то сговорились?

– Не интересно это – в самой деревне-то. Мы ж хотели отдельно, чтоб у реки было.

– Не знаю тогда, чем и помочь вам.

– Анна Никифоровна, – Слава резко свернул на интересующую их тему, – а, может, все-таки остались здесь какие-нибудь родственники этих Чугайновых?

– Не осталось. Они все на хуторе жили. Там и померли, а про Настьку я рассказывала.

– А говорят... – начал Вадим, тщательно подбирая слова, – говорят, здесь недавно видели девушку похожую на Настю.

– Да? – Анна Никифоровна вскинула брови, – кто видел?

– Ну, люди видели.

– А почему люди решили, что она похожа на Настьку? Ее кто-то, кроме меня, помнит?

– Они говорят, что видели какую-то фотографию на могиле.

– И что, правда, похожа?

– Не знаю, – продолжал врать Вадим, – но так говорят. Может, она жива осталась, и сейчас есть у нее какая-нибудь внучка, как вы считаете?

Анна Никифоровна задумалась; долго молчала, а потом неожиданно усмехнулась.

– Может, конечно, и осталась она живая, и дочку прижила... только не верю я в это.

– Почему?

– А просто не верю в дочку ее!.. Знаете, что? Тут недалеко есть деревня Волховка. Поезжайте туда. Спросите волхва.

– Кого? – не понял Слава.

– Волхва. Не знаю, как его зовут; и, по-моему, никто не знает. Ему уже лет сто двадцать, не меньше, и все время – я еще в девках ходила – волхв, да волхв. Он на отшибе живет, как за деревню к кладбищу ехать.

– Деревню в честь него назвали? – пошутил Вадим.

– Да кто ж его знает?.. Но в роду у них все волхвы были.

– То есть, колдуны?

– Волхвы не колдуны – волхвы богам служат... хотя зачем вам это? Вы про Настьку с ним поговорите, и сами все поймете.

– Спасибо... – Вадим озадаченно посмотрел на Славу, и тот молча кивнул, ткнув пальцем себе за спину, где стояла машина.

– Только живой ли он! – крикнула Анна Никифоровна им вслед, – я лет пять его не видела!

Устроившись на сиденье, Слава неторопливо закурил, глядя на дорогу, уходившую к сосновому бору, который скрывал от деревенских жителей Чугайновский хутор.

– От, оно как!.. – он стряхнул пепел, – ты, вообще, о волхвах что-нибудь знаешь?

– Вроде, князь Владимир Русь крестил и топил их в Днепре.

– Насчет князя Владимира вопрос спорный – он Русь крестил или мать его Софья; и топил он далеко не всех – это ты с деревянными идолами путаешь. У меня ж жена историк была, если помнишь, – Слава хитро подмигнул, – но суть не в том – мне кажется, разводят нас пожиже.

– В смысле?

– В прямом. Если появились волхвы, то следующим этапом будут ведьмы, черная магия, ритуалы Вуду и прочая кабалистика.

– И для чего бабке лапшу нам вешать? Ей-то какая выгода?

– А фиг ее знает!..

– Так поехали к волхву и узнаем. Даже если он попросит нас за услуги какое-то бабло, не думаю, что в такой дыре это будет дорого стоить. А то, что в этой истории достаточно темных пятен, по-моему, ты сам убедился...

– Ну, убедить меня сложно... особенно, в темных пятнах... Ладно, поехали, – Слава выбросил сигарету.

Когда джип отъезжал от дома, Вадим оглянулся – Анна Никифоровна продолжала сидеть на крыльце, вновь превратившись в нахохленную птицу.

Деревня быстро осталась позади, скрывшись в пыли проселочной дороги. Поля пожухлой от жары кукурузы, подступавшие к дороге с обеих сторон, рождали ощущение не просто заброшенности, а недавно закончившегося апокалипсиса.

– Ты уверен, что мы едем правильно? – спросил Вадим минут через двадцать этого безрадостного пути.

– Не уверен. Но другой дороги все равно нет. Посмотрим.

Пыльная колея свернула вправо, и сразу за хилой лесополосой началось другое поле, засеянное чем-то низкорослым и буро-зеленым. Оно уходило к горизонту грязным ковром, образуя четкую границу с ослепительно голубым небом, которое пытался испачкать черным дымом одинокий, но очень самонадеянный трактор; чуть дальше него просматривалось

несколько старых деревьев, грозно нависавших над приземистыми домиками.

– Думаю, нам туда, – Вадим показал в сторону «оазиса».

– Но по полю ж мы не поедem.

– А поле кончается, вон, видишь?

– Хочешь выяснить, джип это или нет? – Слава засмеялся, – ну, давай, – доехав до края поля, он свернул на луг.

Сначала деревья, вместе с домами, зримо приближались, но потом сместились влево и вновь стали удаляться, пока не оказались практически сзади – создавалось впечатление, что деревня находится в центре, а они ездят по кругу. Вадим закурил, озабоченно озираясь.

– Не нервничай, – успокоил его Слава, – главное, что мы ее видим. Если это не мираж, то какая-нибудь дорога должна к ней вести и, в конце концов, мы наткнемся на нее.

– Я не нервничаю – мне надоело бить задницу на кочках.

– Называется, «издержки производства» – хочешь посмотреть живого волхва, терпи, – он сбросил скорость. Машина перестала подпрыгивать и крадучись поползла дальше, а еще минут через десять впереди, действительно, появилась узкая полоса асфальта.

– Блин, еще и асфальтированная!

– Так, век-то какой на дворе?..

Джип выполз на твердое покрытие и рванулся вперед, набирая скорость. Через полчаса они проскочили указатель «Волховка», а еще через пару километров въехали на улицу.

Деревня вымирала. Первые два дома стояли без окон, с проваленными шиферными крышами, а за сломанными заборами, среди блеклого бурьяна, вспыхивали яркие пятна цветущих мальв; на корявых засыхающих яблонях висело с десяток мелких, зеленых яблок.

Следующие несколько домов выглядели чуть лучше – в них сохранились стекла, и крыши были ветхие, но целые. Правда, выглядели они такими же нежилыми, и лишь в одном палисаднике на веревке сушилась застиранная серая тряпка. Обмазанная глиной хата, возле которой торчала вывеска «Магазин ООО «Восход», была заколочена досками. Не видно было не только людей, но даже кур – лишь свора дворняг неслась за джипом, истошно лая и норовя схватить за колесо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.